

ЛЕА
РЕЙН

ВРЕМЯ
НЕ ВЛАСТНО

18+

Леа Рейн

Время не властно

«Автор»

2026

Рейн Л.

Время не властно / Л. Рейн — «Автор», 2026

По жизни мне не особо везет, учеба в лицее и вовсе хромает, а тут еще оказалось, что в любой момент я могу переместиться в прошлое, причем даже не зная, в какую эпоху! Способность эту я унаследовала от своего отца, который бесследно исчез, когда я была еще маленькая. Теперь никто не расскажет, как контролировать прыжки во времени. Более того, я еще должна остановить таинственный орден паладинов, который охотится на таких, как я. Но я была бы не я, если бы это оказались единственные проблемы. В нашем старинном особняке я то и дело нахожу тайны своей семьи, а в одном из перемещений в 1920-е годы встречаю молодого хозяина кафе, в которого влюбляюсь с первого взгляда. Как быть с человеком, если я появляюсь в его эпохе лишь на несколько минут?* путешествия в 1920-е годы и в 18 век* романтика Парижа* семейные тайны ОДНОТОМНИК

© Рейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Странные приступы	6
Глава 2. Это был параллельный мир?	11
Глава 3. Не астма	14
Глава 4. Я справлюсь	17
Глава 5. Плохо оценила масштаб ситуации	22
Глава 6. «Луна»	24
Глава 7. Все по-другому	27
Глава 8. Важный разговор	30
Глава 9. Стала своей	35
Глава 10. Элизабет	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Время не властно

Пролог

Париж

Сентябрь 1926 года

По каменной набережной Сены прогуливалась красивая пара: элегантный молодой человек в серебристом костюме и милая девушка в нежно-розовом платье. Предстоящее прощание словно кралось по пятам — неумолимое Время в любой момент их могло разлучить, — но несмотря на это они были счастливы и старались насладиться каждой проведенной вместе секундой. Этот вполне обыкновенный осенний вечер для них был по-особенному прекрасен.

Морозный воздух заставил девушку поежиться: ее платье было слишком легким для такой погоды, и молодой человек запоздало спохватился.

— Ты вся дрожишь, — сказал он и скинул с себя пиджак, аккуратно уложив его на плечах девушки.

— Спасибо, — смущенно сказала она и запахнула полы, будто куталась в плед. Возникшее тепло согрело не только ее тело, но и душу.

— Мсье Бернар не сильно тебе докучал? — поинтересовался молодой человек, стараясь завести непринуждённый разговор. — Мне кажется, он выпил лишнего.

— Нет, совсем нет. Мне очень понравились твои друзья, — улыбнулась девушка, вспоминая весёлый вечер, проведённый в кафе «Луна».

На мгновение они замолчали, а потом он серьезно спросил о том, что тревожило его на самом деле:

— Когда ты должна вернуться обратно?

Он не хотел, чтобы она его покидала, но понимал, что это неизбежно произойдет. От нее это не зависело, а от него — тем более. Есть такие вещи, которым стоит лишь покориться, как бы внутри все ни разрывалось от боли.

— Не знаю, но думаю, что уже совсем скоро, — тихо ответила она.

— Я ещё увижу тебя? — с надеждой спросил он.

— Я правда не знаю...

Они остановились под раскидистым деревом, ветви которого опускались над зеркальной гладью Сены.

— Но я буду надеяться, что смогу попасть сюда ещё раз, — договорила она, повернувшись к нему лицом.

Молодой человек порывисто взял ее за руки.

— Я все равно буду ждать тебя в своём кафе! — воскликнул он. — Двери «Луны» открыты для тебя всегда.

Девушка не смогла ничего ответить: глаза жгло от слез, она едва не плакала. Как же ей не хотелось его оставлять! Их встречи были слишком короткими, этого было мало...

Внезапно молодой человек притянул ее к себе и поцеловал. Оба почувствовали, как что-то невероятное зарождается в их сердцах и выжигает все внутри.

Но поцелуй был недолгим.

Она растворилась в воздухе, оставив после себя лишь облако золотой пыли, которое ветер тут же развеял над рекой.

Глава 1. Странные приступы

Прохладный ветер заставил меня поежиться, когда я переступила порог своего дома и выбежала на дорогу. Ледяной дождь начал оставлять узор в виде крупного горошка на моей одежде, поэтому я раскрыла зонтик, чтобы не промокнуть до нитки.

Опавшие с деревьев сморщенные листья и пожелтевшая трава говорили о том, что вскоре зима воспользуется своими правами и заберет власть у осени, окутав город белоснежным одеялом. Осень в Париже — время довольно сырое и непредсказуемое. Город то наполняется шумом дождя, то одевается в шапки из хлопьев мокрого снега, но все равно остается прекрасным и все так же привлекает туристов. Я люблю свой город и не могу поверить, что мне посчастливилось родиться в таком прекрасном месте. Наверное, вся моя везучесть этим и исчерпалась, ведь обычно удача мне не улыбается.

Посмотрев на наручные часы, я несколько раз про себя чертыхнулась и понеслась в лицей сломя голову, потому что как обычно опаздывала. У нас есть нечто вроде местного суеверия: как начнешь триместр — так его и проведешь. Видимо, ничего хорошего мне не сулило. Еще одно подтверждение того, что везение обходит меня стороной!

Следующее происшествие это лишний раз подтвердило. Стоило мне выйти на узкую дорогу, чтобы перебраться на другую сторону улицы, как я случайно споткнулась на ровном месте и чуть не упала. Какой-то придурок за рулём машины стал неистово сигналить, хотя ехал еще далеко. Я одновременно и разозлилась, и расстроилась, поэтому крепко сжала кулак. Всякие мелочи запросто могут вывести меня из себя, потому что я очень впечатлительная; приходится прилагать усилия, чтобы контролировать свои эмоции.

Раз, два, три... —мысленно считала я, делая глубокие вдохи и выдохи.

Благо, на моем пути больше не встретилось никаких препятствий, иначе мое довольно неплохое настроение испортилось бы на весь день.

Я забежала в ворота лицея и пересеклась со своим одноклассником и по совместительству хорошим другом Артуром, который, очевидно, тоже опаздывал. Он был без зонта, поэтому влага сделала свое дело, создав из его густых черных волос настоящую львиную гриву.

— Привет, Анаис! — Он поприветствовал меня тремя поцелуями в щеки. — Чего опять опаздываем?

— То же могу спросить у тебя, — улыбнулась я в ответ.

Мы перепрыгнули через лужи в аркаду, тянущуюся вдоль здания. Там я закрыла зонт и стряхнула с него воду. После подобной утренней пробежки легкие словно окатило огнем. Я поняла, что мне нужно немного времени, чтобы привести в порядок дыхание — с детства страдаю бронхиальной астмой и без ингалятора даже из комнаты не выхожу. На всякий случай я достала спасительный баллончик и крепко стиснула его в руках.

— Ты в порядке? — заботливо поинтересовался Артур.

— Да. Ты иди и скажи, пожалуйста, что я задержусь.

— Хорошо, только долго тут не стой, а то мадам Дюпре сожрет тебя вместо завтрака, — он скорчил лицо, как делал всегда, когда речь заходила об историчке.

А ведь я совсем забыла, что первым уроком у нас стоит история с этой мадам Дюпре! Терпеть ее не могу — в смысле не историю, а училку! Из тридцати человек в классе она выбрала именно меня для своих издевательских шуточек. Ни к кому она так не придирается, как ко мне. Это просто несправедливо!

Артур скрылся в дверях лицея, а я облокотилась о стену и решила отвлечься, иначе от невеселых мыслей о вредной учительнице разволновалась бы и усилила приступ. Именно поэтому я старалась контролировать свои эмоции, ведь чересчур бурное их проявление совсем

не шло на пользу моей болезни. Взгляд зацепился за трещины на своде арки, и я тут же задумалась о том, насколько стар наш лицей. Наверное, ему больше пятисот лет, потому что когда-то давно тут было аббатство. Сейчас, конечно, от него почти ничего не осталось — все переделано, перестроено. О былых временах напоминает лишь готическая башня, в которой когда-то давно звенели колокола, да и та уже заколоченная и никому не нужная — руководство лицея так и не придумало, как ее можно использовать, помимо кладовой для ненужных вещей

Когда дыхание выровнялось, я поплелась к дверям, но астма внезапно опять схватила за горло, и я залилась кашлем. Это было странно, потому что у меня никогда не возникало настолько сильных приступов. Острая боль пронзила грудную клетку, и я кашляла, кашляла, точно собиралась выкашлять легкие. Меня охватил ледяной страх — казалось, сейчас я умру прямо тут, на школьном дворе, и стану новостью дня. Умереть на пороге школы в восемнадцать лет — не лучшая смерть, которая могла бы меня настичь.

Приступ прекратился так же внезапно, как и начался, и я не успела придумать, какой вариант смерти оказался бы для меня более привлекательным.

Несколько минут я стояла и переводила дух, надеясь, что новых приступов не намечается.

Почему же в последнее время они стали происходить все чаще и чаще?

Я решила, что виной всему сырая погода, и, удовлетворившись этим объяснением, прошла в здание. Меня встретила старинная каменная лестница, устланная шикарным красным ковром: ни дать ни взять королевский дворец.

Нужный класс находился на втором этаже. Я не могла подниматься по лестнице вечно, а прогуливать урок было себе дороже, поэтому как ни пыталась оттянуть неприятную встречу с вредной училкой, она неизбежно наступит.

Я поднялась, шумно выдохнула и резко распахнула дверь. Одноклассники сразу обратили на меня удивленные — а кто-то и недовольные — взгляды, но особенно пронзительно смотрела мадам Дюпре.

Она стояла около доски с видом царицы класса. На ней, как всегда, был твидовый костюм. Не было и дня, чтобы она оделась как-то иначе: казалось, что такие костюмы для неё как вторая кожа. Они всегда разного цвета, сегодня бежевый, но порой встречались ярко-синие, салатово-зелёные и даже кукольно-розовые... Не понятно, с кого она брала пример — с королевы Англии или Долорес Амбридж¹. По мне так мадам Дюпре косила под них обеих, причём это касалось не только стиля, но и поведения: королевские замашки, высокомерие, жестокая язвительность... наверное, она и на пытки способна!

— Доброе утро, мадемуазель Арно, — начала училка. — Довожу до вашего сведения, что существуют такие понятия как «пунктуальность» и «этикет». Вы бы непременно нас осчастливили, если бы иной раз вспомнили о существовании хотя бы одного из них, что уж говорить об обоих — тогда бы мы от счастья попали на седьмое небо!

Несправедливо! Старушница даже не дала мне открыть рот, хотя я собиралась извиниться за опоздание.

Ну, что ж, в долгу оставаться я не собиралась.

— Прошу прощения за столь поздний визит и за то, что отрываю вас от просвещения этих юных умов. Позвольте ли вы мне проделать путь от порога до своего стула, чтобы у меня была возможность грызть гранит науки вместе с остальными вашими подопечными? — промолвила я в ответ, избрав свой самый саркастичный тон.

А еще вы говорили, что история не терпит сослагательного наклонения, но в вашем замечании было слишком много «бы». — Этого я вслух не сказала, только подумала. Язвить я любила, но все же границы видела. Я ведь не хотела вылететь из лицея, как пробка из бутылки.

¹ Персонаж книг Джоан Роулинг из цикла «Гарри Поттер»

По классу пробежались тихие хихиканья, а кое-кто даже раскрыл от удивления рот. Эта реакция означала, что мое первое замечание само по себе прекрасно отбило удар.

Ну что, один-один, мадам Дюпре?

И сколько же лет длится наша война... За эти годы она превратилась в некую игру, которую можно назвать «кто кого переязвит» и запатентовать, как новый экстремальный вид спорта.

— Проходите уже и не паясничайте! — прикрикнула она.

Было видно, что я ее немного вывела из себя. Про неё ещё говорят «историчка-истеричка», что, на мой взгляд, вполне справедливо.

Факт, что мы сравнивали счёт, заметно улучшил моё настроение, которое чуть подпортилось после приступа астмы и несправедливых обвинений в мою сторону. Я, тихая и вполне довольная, прошла к своему месту и села рядом со своей лучшей подругой Шарлин, с которой мы неразлучны с самого детства. Мадам Дюпре продолжила вести свой «интереснейший» урок, а я начала выкладывать на парту тетради и ручки.

— Этот раунд за тобой, но от урока прошло только двадцать минут. Неизвестно, кто из вас выйдет победителем, — пошептала Шарли мне на ухо. — Что с тобой случилось, почему опять опаздываешь?

— Из-за астмы. Приступ начался прямо на пороге лица.

— Ужасно! Ты говорила маме, что они стали происходить все чаще?

— Нет, она и так целыми днями пашет на работе, чтобы нас прокормить. Не хочу, чтобы она беспокоилась ещё и о моем здоровье, ей и так есть из-за чего переживать. К тому же это лишь астма, она у меня с детства, и я как-то привыкла.

— Анаис Арно, мало того, что вы опаздываете в первый день нового триместра, так ещё отвлекаетесь и мешаете ребятам! — Мадам Дюпре чуть опустила голову вниз, взглянув на меня поверх очков на серебристой цепочке, и я увидела в ее глазах хитрый блеск и предвкушение скорой расправы. — Перечислите основные предпосылки Великой французской революции.

Одноклассники повернулись ко мне с заинтересованными лицами; кто-то явно чувствовал облегчение, что спросили не его, а заучка Жеральдин с первой парты даже закатила глаза, прекрасно зная, что я не справлюсь.

Разумеется, правильный ответ был мне неведом. И вообще, с чего я должна делать за училку ее работу? Мы это еще не проходили, к тому же это самый первый урок в новом триместре!

Тем не менее, я не собиралась просто так принимать поражение.

— Монархия была неспособна управлять страной, — тихо выдавила я.

Послышался скрип стульев: ребята теперь полностью развернулись в мою сторону, чтобы лучше видеть. И правда невероятно — Арно пытается отвечать, да еще и не совсем бред!

Мадам Дюпре не изменилась в лице:

— И в чем же именно это заключалось? Поподробнее, пожалуйста.

— Ну, — протянула я, — пропасть между классами была непреодолимой, пока богатые объедались на приемах, бедняки умирали от голода.

Мадам Дюпре сдержанно кивнула (казалось даже, что она заставила себя это сделать, а значит, я не так плохо ответила!) и мрачно сказала:

— «Пусть едят бриоши²». Ответ мадемуазель Арно, конечно, нельзя считать исчерпывающим, поэтому сейчас мы разберем все предпосылки подробнее.

Училка переключила слайд в презентации, и я мгновенно перестала быть центром внимания. Когда одноклассники отвернулись, Артур, сидевший в соседнем ряду, поднял большой

² Qu'ils mangent de la brioche – Пусть едят бриоши (фр.). Фраза, которая приписывается Марии-Антуанетте, как символ непонимания монархами проблем обычных людей.

палец вверх и улыбнулся. Уф, кажется, сегодня я не выставила себя полной дурой как это бывает обычно!

На презентации мелькали исторические картины, посвященные революции, иногда даже встречались кадры из фильма «Мария-Антуанетта»³ с Кирстен Данст в главной роли. И хоть это был отличный шанс узнать все предпосылки, я не могла сконцентрироваться на материале и с головой ушла в свои мысли.

Когда прозвенел долгожданный звонок, все ребята соскочили с мест и побежали через узкие двери на свободу — видимо, не мне одной было скучно.

Я не удосужилась выучить расписание на новый триместр, поэтому совершенно не знала, какой урок следующий.

— Что сейчас будет? — поинтересовалась я у Шарлин.

Она стояла рядом с партой и невозмутимо расчесывала длинные белые волосы. Ее родной цвет был рыжим, но недавно она захотела кардинально изменить свою внешность и осветлилась до платинового блонда, что невероятно ей шло. Шарлин любила красиво одеваться, например, сегодня она выбрала нежно-розовую блузку, на воротнике которой переливались жемчужного цвета бусины, и чёрную расклешенную юбку чуть выше колена. Образ дополняли туфли на платформе, благодаря которым ее и без того длинные ноги выглядели бесконечными. Она походила на куколку или топ-модель, которой в пору ходить по подиуму или сниматься для обложек дорогих глянцевого журналов.

— Что сейчас? — задумчиво переспросила она, кинув расчёску в сумку. — Английский, насколько я помню. Идем позавтракаем.

— Идем, — согласилась я.

При слове «завтрак» в животе заурчало. Дома я поесть не успела, потому что сильно спешила в лицей, причём жертва моя оказалась напрасной, ведь я все равно опоздала.

Мы вышли из класса и не спеша последовали на первый этаж, где располагалась столовая. Она, кстати, всегда напоминала мне Большой зал Хогвартса из фильмов о Гарри Поттере. Длинное помещение, где под высокими потолками парят старинные ажурные люстры. Стены, исписанные фресками, которые сохранились, наверное, с самой эпохи Возрождения. Потертые полы из красного дуба, на которые ступаешь, и они начинают протяжно скрипеть. Все это создаёт колдовскую атмосферу. Но современные столы со стульями на железных ножках, стеклянные витрины с едой, кассовые аппараты и, естественно, ученики, одетые в разноцветную одежду, не дают забыть и вообразить себя ученицей Хогвартса, лишней раз напоминая, что это всего-навсего обычный магловский лицей. Эх, а как бы порой хотелось перенестись в реальность более волшебную, чем та, что предложена нам судьбой...

Мы с Шарли миновали мраморную статую, посвящённую какому-то знаменитому человеку, которого никто из нас не знал, и подошли к огромным двустворчатым дверям столовой.

Не успели мы войти, как мои лёгкие опять сдавило, и я начала задыхаться.

— Анаис! — выкрикнула Шарлин и поддержала меня за локоть.

— Все нормально, — проговорила я, хотя в этом точно ничего нормального не было. — Мне просто нужно на воздух.

— Пойдем, — обеспокоено ответила она и потащила меня к выходу.

Через мгновение мы оказались во дворе, засаженном всевозможными кустарниками. Весной и летом здесь невероятно красиво, все утопает в пестрых цветах и листве, а сейчас растения уже сбросили свои пушистые кроны, готовясь к зиме, поэтому вид был достаточно мрачный.

Шарлин провела меня под одну из арок в аркаде и усадила на белоснежную ажурную скамью. Я достала из кармана ингалятор и сжала его в руке на случай, если приступ повторится.

³ «Мария-Антуанетта», 2006 – фильм Софии Копполы.

И, действительно, через несколько секунд я ощутила, как лёгкие пронзила острая боль, из-за которой мне стало трудно дышать.

А потом — мгновение — и все сменилось легкостью, чувство реальности испарилось, будто меня выбросило из мира. Перед глазами все расплылось, разом обрушилась тьма. Я поднесла ко рту ингалятор, но внезапно потеряла опору и шлепнулась мягким местом об асфальт — скамья подо мной магическим образом исчезла. Но это ведь не школа чародейства и волшебства! От испуга и неожиданности я вскрикнула и тут же подскочила. Нет, конечно, это не волшебство, просто кто-то решил меня разыграть и отодвинул скамью. Сейчас я заеду по челюсти этому горе-шутнику!

Я заозиралась по сторонам в поисках того, кто это сделал, но ни скамьи, ни людей поблизости не оказалось.

Куда все подевалось?

Через пару секунд до меня дошло, что и Шарлин пропала. Она стояла рядом с белым вазоном, однако сейчас это место пустовало, да и никакого вазона там не было.

В голове ничего не укладывалось. Что за чертовщина?

Меня охватила паника. Все, что ещё мгновение назад меня окружало, будто провалилось сквозь землю. Остался только лицей, но и он выглядел абсолютно иначе: безлюдный и какой-то потертый, растрескавшийся.

Я решила выйти во двор. Наш сад хоть был невелик и скромн, но считался одним из самых милых и уютных мест в округе. Он был обнесён с четырёх сторон стенами здания, словно заключен внутри огромного каменного тела, благодаря чему возникла ассоциация, что сад — это сердце лицея. В здании всегда царит холодная, пропитанная временем атмосфера, которая заставляет приуныть, поэтому когда попадешь во двор, то будто просыпаешься после долгого сна, ведь там светло, красиво и живо.

Осенью, однако, бывает мрачно, ведь кустарники сбрасывают свои наряды. Выходя в сад, я ожидала увидеть голые ветки, но то, что предстало моим глазам, вогнало в настоящую панику.

Сад утопал в зелени и благоухающих розах. Небо внезапно стало безоблачным, а солнце по-летнему запекло. От хмурой дождливой погоды не осталось ни следа. Я, конечно, всегда любила наш прекрасный цветущий сад, но меня совсем не радовало, что он стал таким за одно мгновение.

Сейчас осень, такого просто не может быть!

В этот момент я, наверное, походила на выброшенную на берег рыбу, которая только и могла, что бестолково глядеть огромными глазищами да разевать рот.

Внезапно раздался звонкий детский смех, и из-за угла, держась за руки и распугивая пташек, выбежали две девочки лет двенадцати на вид. Они были одеты в черные платья, а в их косичках красовались белые атласные ленты.

Бестолковая рыба — то бишь я — вышла из оцепенения и на ватных ногах поплелась назад к месту, где стояла скамья. Что-то в этих девочках показалось мне странным, и инстинкт самосохранения твердил, что они не должны меня видеть.

Я прислонилась спиной к стене, стараясь привести в порядок мысли. Наверное, от нехватки воздуха я упала в обморок, и все это лишь радужный сон. Вполне возможно!

Грудную клетку неожиданно пронзила боль, что заставило меня тихо простонать. Все повторялось — в глазах завертелось и помутнело, а тело стало невесомым. Через мгновение я потеряла равновесие. В попытке удержаться я за что-то схватилась. Послышался чей-то визг, и я поняла, что, падая, утащила кого-то за собой.

Глава 2. Это был параллельный мир?

Холодная боль пробежалась от копчика до шеи, словно пересчитывая позвонки. Рядом со мной валялась Шарлин, которую я ненароком уронила. На ее лице застыло потрясённое выражение, какого я у неё никогда прежде не видела.

С кряхтением, которому могла бы позавидовать самая древняя из старух, я встала на ноги и помогла подняться подруге.

— Как... Как ты это сделала? — заикаясь, спросила Шарлин.

Я не знала, что на это ответить. Хотела бы знать, что вообще сделала и было ли это на самом деле.

— Ч-что?.. — начала я, при этом у меня дрожал не только голос, но и коленки. — Что произошло?

— Ты сидела на скамейке, а потом пуф — и исчезла. Остался только золотой туман, который развеялся через секунду. А сейчас снова оказалась тут и сбила меня с ног! Что все это значит, Анаис?! Что это было?! — едва ли не кричала она.

От страха у меня скрутило живот. Шарлин редко повышала голос и всегда была спокойным и уравновешенным человеком (в отличие от меня), поэтому ее непривычная реакция просто не могла не пугать.

Это был не радужный сон. Все случилось на самом деле.

Хотелось перенестись в реальность более волшебную, чем та, что предложена нам судьбой?! — вспомнила я.

Бойтесь своих желаний!

Я почувствовала, как земля идёт из-под ног, поэтому облокотилась о стену, а иначе еще чуть-чуть — и хлопнулась бы в обморок, как в исторических романах падают девицы в корсетах.

— Ты телепортировалась? — спросила Шарли. Голос ее по-прежнему был истеричным.

— Нет... Не знаю... Это был наш лицей, только там все утопало в розах и светило яркое солнце. А ещё там были две маленькие девочки, от которых я решила спрятаться.

— Где это «там»?

— Не знаю, может, в параллельном мире.

— В параллельном мире?

— Я не знаю! Это был наш лицей, наш двор, только летом. А девочки были явно не нашими ученицами и вообще выглядели как-то странно!

Наша дискуссия неожиданно прервалась цоканьем каблуков. Мы быстро среагировали и спрятались за широкую колонну. Обычно с утра двор пустует, потому что ученики и учителя сидят на уроках, а персонал, вроде садовников или уборщиков, выходит на работу ближе ко второй половине дня.

Я взглянула на время и поняла, что мы опоздали на английский. Если обладатель цокающих каблуков нас поймает, то наверняка накажет за прогул!

С посещаемостью дела обстояли серьезно, потому что мы учились в престижном лицее, в который простым смертным путь заказан. По крайней мере, так говорила директриса. Она постоянно убеждала нас на общих собраниях, что мы элита, высшее общество и должны быть во всем идеальны. По-видимому, такой заскок только у директрисы, потому что учителя к нашим промахам относились лояльно. Обычно никто из них не жаловался директрисе на наши опоздания или поведение. Взять хоть мадам Дюпре: у неё было много шансов от меня избавиться, но ни одним из них она не воспользовалась. Впрочем, дело тут, наверное, в другом. Она

просто получала удовольствие от нашей войны, а если меня исключат, то она вряд ли отыщет — как бы нескромно это ни прозвучало — такого же достойного и остроумного противника.

Каблуки затихли напротив нашего укрытия. Внезапно стало тихо, как в могиле, и мне показалось, что никаких каблуков на самом деле не было. Только я собиралась расслабиться, как раздался грозный голос, принадлежавший — кто бы сомневался — директрисе лицея. Как всегда, мне несказанно «везло». Надо же так глупо попасться! И что она забыла во дворе с утра пораньше?!

— Шарлин де Верли и Анаис Арно, у вас большие неприятности!

Я раздосадовано вздохнула. Нам ничего не оставалось, как выйти из-за колонны и предстать перед презрительным и разочарованным взглядом мадам Ла Монтанье.

Мадам Ла Монтанье, хоть сноб, «элита» и довольно строгая женщина, но не плохая и в общем-то справедливая. Говорят, она потомок какого-то знаменитого дворянина, который жил в XVII или XVIII веке. Она продолжает этот род и гордо носит свою фамилию. Даже все ее дети Ла Монтанье, а не Брюлло, как зовется их отец. Возможно, именно принадлежность к древнему роду сделала ее такой снобкой.

— Кто дал вам право пропускать занятия?! — грозно спросила она.

Я смотрела на свои туфли, стразы на которых переливались всеми цветами радуги, и ничего не говорила. Одно дело язвить с мадам Дюпре и совсем другое с директрисой! Ещё чуть-чуть — и я бы сгорела заживо от того, как она на нас смотрела. Наблюдать за туфлями было куда приятнее, чем за выражением её лица.

— Мадам Ла Монтанье, извините нас, пожалуйста. Анаис стало плохо, потому что у нее начался приступ астмы, и я помогла ей выйти на улицу. Она чуть в обморок не упала от нехватки воздуха! — не растерялась Шарлин, взяв ситуацию под свой контроль.

Я поняла, что наказание просто невозможно, ведь не будут же ругать больного ребенка.

Это придало мне уверенности. Я подняла глаза на директрису и с удивлением обнаружила, что ее взгляд смягчился.

— Анаис, как ты себя чувствуешь? Может, тебе стоит поехать домой? — непривычно заботливо спросила она.

— Я... Да. Наверное, вы правы, — тихо отозвалась я.

Это была поистине отличная идея! Домой, только домой, у меня не хватило бы нервов и сил, чтобы досидеть учебный день до конца.

— Я провожу её до дома, чтобы вдруг чего по пути не случилось, — вызвалась Шарлин.

Мадам Ла Монтанье покачала головой, и темные короткие кудри мягко прокатились по плечам ее дорогого пиджака.

— Ни в коем случае, Шарлин. Тебе лучше отправиться на занятие. Анаис, я вызову твою маму и доверю тебя только ей.

У меня отвисла челюсть. Только не маму! Она сейчас на работе, её не стоит отрывать от дел, потому что ей обязательно вычтут из зарплаты часы, которые она пропустила. Мама и так старается делать все, чтобы у нас было достаточно средств на оплату обучения в этом элитном лицее. Совсем не хочется становиться для неё ещё большей обузой. К тому же я уже совершеннолетняя и могу сама о себе позаботиться. Об этом я и сообщила директрисе.

— Это не имеет значения, — непреклонно ответила она. — Ты ученица лицея, а значит, на нашей ответственности. Если тебе плохо, я не могу отпустить тебя домой одну.

Я с мольбой посмотрела на Шарлин.

— Ладно, — неохотно протянула подруга. — Анаис, удачи тебе.

А что она могла сделать? В таких случаях ученика могли доверить только родственнику. Шарлин обняла меня и чуть тише добавила:

— Напиши мне, как приедешь домой.

— Хорошо, — отозвалась я.

Шарлин попрощалась с мадам Ла Монтанье и отправилась в лицей.

Я присела на скамейку и попыталась унять дрожь. Того и глядишь — закашляю и все же умру на школьном дворе. Однако меня продолжало трясти. В носу до сих пор стоял аромат роз, в ушах звенел жизнерадостный и беззаботный смех девочек, а перед глазами застыла картинка лета. Мысленно я ещё находилась в том благоухающем саду, хотя и пыталась внушить себе, что все уже позади. Это нормальный мир: вон серое, как сталь, небо, голые кустарники и разбросанные по дорогам лужи — что тебе ещё надо, глупая моя голова? Но наваждение не желало отпустить, превратившись в заевшую кинолентку.

Директриса достала свой айфон последней модели и попросила продиктовать номер мамы, что немного отвлекло меня от беспокойных мыслей. Сказав комбинацию из цифр, я откинулась на спинку скамейки.

Мадам Ла Монтанье отошла в сторону, как будто собиралась секретничать с моей мамой. Я хотела сконцентрироваться на том, что она говорила, чтобы как-то развеять проклятое наваждение, но не смогла ничего расслышать.

Закончив разговор, директриса вернулась ко мне.

— Твоя мама приедет через двадцать минут, можешь подождать ее либо здесь, либо в здании.

— Здесь, — ответила я, потому что на свежем воздухе было гораздо приятнее.

Мадам Ла Монтанье осталась со мной, опасаясь повторения приступа. Я тоже этого боялась, поэтому возражать не стала, иначе кто мне поможет, если я вдруг начну умирать?..

От невеселых мыслей снова появилась тревога, а потому я стала считать про себя.

Раз, два, три... — вместе с тем я делала дыхательную гимнастику, которая всегда успокаивала.

Мама приехала даже быстрее, чем через двадцать минут. Ворота во двор отворились, пропуская такси. Мама открыла дверь машины, когда водитель еще даже не затормозил, и понеслась ко мне. Её рыжеватые длинные волосы, уложенные упругими кудрями, подпрыгивали в такт шагам. Она была в униформе официантки: видимо, так торопилась ко мне, что решила не переодеваться. Поверх было накинуто лишь пальто кремового цвета. Я опять почувствовала укол вины из-за того, что заставила маму сорваться, ведь она работает официанткой в дорогом ресторане. Хозяину, этому раздутому индюку, ничего не будет стоить, как уволить её и нанять нового человека на побегушках, а для нашей семьи это станет большим ударом, потому что зарплата и чаевые там все-таки хорошие.

Мама схватила меня за плечи и испуганно осмотрела с ног до головы. Поняв, что я в относительно порядке, она немного успокоилась.

— Теперь со спокойной душой передаю ребенка вам, — заключила мадам Ла Монтанье и, попрощавшись, оставила нас.

Несмотря на свой возраст я все равно в ее глазах ребенок. Я не стала заострять на этом внимание.

Мама больше не сдерживалась и набросилась на меня с объятиями.

— Анаис, все в порядке? Я, наверное, должна была сразу догадаться, в чем причина проблем с твоим дыханием. Я подозревала это, но до последнего надеялась, что это не так, — как-то обреченно проговорила она.

— Ты о чем? — не поняла я.

— Я объясню позже, а сейчас нам нужно скорее попасть домой.

Мама повела меня к такси, мотор которого урчал на весь двор, нарушая эту холодную осеннюю тишину.

Глава 3. Не астма

Мама буквально тащила меня в гостиную, волоча за собой, словно мешок картошки. Я не понимала, что с ней такое и почему известие об очередном приступе астмы ее так встревожило. Мы прошли в комнату, в которой преобладали молочные и шоколадные цвета, и присели на старинную софу, обтянутую тканью с вышитыми на ней золотыми ангелочками и завитушками.

В нашем доме много раритетной мебели, которая досталась от предков, проживавших тут на протяжении нескольких столетий. В *vieux Paris*⁴ сохранились старинные здания, вроде нашего особняка. Он построен в XVI—XVII веках в районе Сен-Жермен, где раньше проживала парижская аристократия. Предыдущие поколения нашей семьи как раз обладали какими-то титулами. Формально этот особняк принадлежит не нам с мамой, а сестре моего отца, то есть моей тётке, которая не выгнала нас и буквально приютила после папиной смерти.

Папа умер, когда мне было три года — я была настолько маленькой, что в голове не отложилось никаких воспоминаний о нем. Папину внешность я знаю лишь по многочисленным фотографиям, которые висят, обрамленные золотыми рамами, на стенах в некоторых комнатах и коридорах. А он был настоящим красавчиком, вполне понимаю маму! Смотря на фотографии, я всегда замечала, что унаследовала папины янтарные глаза и бледную кожу. Говорят, что дочери больше похожи на отцов, чем на матерей, и это точно мой случай — с мамой у нас почти нет общих черт. Разве что волосы похожего оттенка (русые, с медным отливом), да и то она крашеная, а родной ее цвет — пшеничный блонд. То, что я родилась почти рыжей, всегда было странным фактом в нашей семье, но мама говорила, что ничего удивительного — ее бабушка, то есть моя прабабушка, пусть она покоится с миром, была обладательницей огненного цвета волос, так что я, видно, пошла в нее.

Причина смерти папы так и не установлена, хотя прошло уже почти четырнадцать лет. Точнее, даже неизвестно, действительно ли он умер. Полиция, занимавшаяся его поисками, через какое-то время признала его мертвым и закрыла дело. Мама не особо охотно рассказывала о папе, когда я пыталась что-то разузнать, предпочитала отвечать какими-то мутными и непонятными фразами. Наверное, ей было тяжело вспоминать об этом и открывать старые раны в своем сердце. В общем, папина жизнь для меня была окутана ореолом тайны, думая о нем, я довольствовалась лишь старыми фотографиями и собственным воображением. Так или иначе, его тело не нашли, у него нет могилы, к которой можно прийти скорбеть, а значит, я могу верить, что он жив — возможно, потерял память, застрял в какой-нибудь глуши и даже не подозревает, что у него есть особняк в центре Парижа, пусть запущенный и наполовину разрушенный, зато в нем его ждут жена, дочь и сестра. Всякое может быть, ведь жизнь очень жестока и непредсказуема, а порой придумывает сюжеты, которые не придут в голову самому талантливому писателю или сценаристу!

— Анаис, *ma chérie*⁵, расскажи, что произошло в школе? Только скажи правду, я очень тебя прошу, — взволнованно начала мама, взяв мою руку в свою тёплую ладонь.

— У меня начался сильный приступ астмы, — ответила я, подняв на неё, как мне показалось, затравленный взгляд.

Ей ответ не показался исчерпывающим. Она смотрела, ожидая продолжения, но мой язык будто прирос к нёбу.

Я редко утаивала что-то от мамы, но тот ли это случай, чтобы откровенничать? Может, она подумает, что я все придумала или, ещё хуже, сошла с ума?

⁴ *Vieux Paris*, — Старый Париж (фр.)

⁵ *Ma chérie*, — дорогая (фр.)

— Анаис? — Окликнула мама, вырвав меня из размышлений.

— Мам, что не так с моей астмой? О чем ты говорила в лицее?

— Скажи, что случилось во время приступа, тогда я постараюсь тебе все объяснить, — сдержанно ответила она.

Прозвучало так, будто ей было что-то известно. Будто она уже знала, что у меня случился не обычный приступ, а приступ с исчезновением. Но откуда? Может, мадам Ла Монтанье все видела и потому отошла в сторону, чтобы посеCRETничать с мамой? Вряд ли. Тогда директриса вела бы себя иначе и не стала угрожать нам с Шарлин неприятностями. Значит, мамыны подозрения берут начало где-то в ином месте...

— Даже не знаю, как сказать... — проямлила я. — Кажется, мне что-то померещилось. Это было странно. Я до сих пор не уверена в том, что видела.

— А что именно ты видела?

— Я будто очутилась в другом измерении, где все было почти таким же, как у нас в лицее, но в то же время немного другим.

— Будто не из нашей эпохи? — напряженно подсказала мама.

— Да, наверное, — ответила я с неуверенностью, вспоминая одежду девочек. Их платья мне показались странными — возможно потому, что они были старомодными? Во всяком случае, сейчас молодежь так точно не одевается!

Глаза мамы распахнулись от удивления, она нервно провела ладонями по лицу и выдохнула. У меня возникло чувство, что она понимает, о чем я говорю.

— Мам, ты что-то об этом знаешь? Я ведь не сошла с ума? Может, мне просто привиделось от нехватки воздуха?

От какой ещё нехватки воздуха?! — тут же спросила я себя. — Шарлин, по-твоему, тоже привиделось от нехватки воздуха?! Мы же уже решили, что это было на самом деле.

Ну, может, это была массовая галлюцинация? — попыталась я оправдаться.

Перед кем? Перед самой собой?

Ну точно сошла с ума...

Тут к разговору подключилась мама.

— Тебе это не привиделось, — тяжело сказала она, и я даже обеспокоилась, что случайно спорила сама с собой вслух. — У твоего отца тоже была такая проблема. Это проклятие. По крайней мере, я ничего хорошего в этом не вижу, потому что именно это и погубило Жоэля. Я постараюсь объяснить все подробно, потому что не хочу потерять еще и тебя...

Мама посмотрела на меня красными глазами, и от страха у меня больно кольнуло сердце. Выходит, все это время маме было известно что-то о смерти отца?!

— В общем, — продолжила она, — то, что мы все это время называли астмой, на самом деле нечто другое. Это как предупреждение о том, что ты должна исчезнуть и появиться в другом времени. У каждого путешественника это начинается по-разному. Кто-то чувствует тошноту, кто-то задыхается, как ты, а кому-то повезло больше, и он не чувствует ничего. Я не рассказывала тебе об этом, потому что ген передаётся только мужчинам, и я искренне надеялась, что твои проблемы с дыханием — самая обыкновенная астма.

Мне показалось, я ослышалась.

— Путешественники во времени? Ты думаешь, я путешествовала во времени?

С другой стороны, как бы странно это ни звучало, подобное объяснение логичнее всего описывает произошедшее. Либо параллельный мир, либо перемещение во времени, но раз мама что-то знает, значит, стоит довериться ей.

Она тяжело вздохнула:

— Я знаю, что это трудно понять. Ты должна научиться с этим жить, потому что другого не остается. Это невозможно контролировать. Когда почувствуешь, что задыхаешься, либо

выходи на улицу, либо оставайся дома. Твой отец всегда говорил, что нет ничего безопаснее для путешественника во времени, чем стены этого особняка.

— В таком случае... — Я чувствовала себя будто бы оглушенной. — Как мне учиться? Мне же нужно ходить в лицей, сидеть на уроках. Что делать, если я вдруг исчезну на глазах у всего класса?

— Когда начнешь задыхаться, сразу выходи из класса. Твой лицей довольно старый, он был раньше монастырем, поэтому, думаю, опасности там не будет. И, Анаис, я мало знаю об этом, потому что твой отец почти ничем со мной не делился. Можешь обратиться ко мне за помощью в любой момент, я постараюсь помочь, чем смогу, но в основном тебе придется пройти через это самой. Главное, не пугайся, старайся действовать рассудительно и следи за тем, чтобы не изменить ход событий. Самое важное — от любого твоего действия может переписаться история.

— В это просто невозможно поверить, — произнесла я. — Путешествия во времени. У меня!

Вот это везение! Или всё-таки НЕвезение? Этого я понять ещё не успела...

— Я тоже сначала не поверила Жоэлю, когда он признался в том, что может путешествовать во времени. Я решила, что он прикалывается, но потом увидела все своими глазами и чуть не упала в обморок. — У мамы заблестели глаза, и она стала смотреть сквозь предметы, видимо, вспоминая моменты, которые пережила с папой.

Впервые за столько лет она заговорила о нем сама. Стоит расспросить её, вдруг сейчас она захочет мне хоть что-нибудь рассказать.

— Мам, почему ты уверена, что отец погиб? Ведь это не доказано. Может, он жив? А вдруг он вообще застрял в другом времени?

— Не знаю. В прошлом бывает очень опасно. С ним вполне могло что-то случиться, но я... Я никогда не верила в то, что он умер. В моем сердце он жив всегда.

— И в моем тоже, — добавила я.

Вера в то, что отец жив, только усилилась. Оказывается, вот почему про него так редко говорили в семье! Теперь я знаю, какая тайна завесой покрывала всю его жизнь. А знает ли об этом тетя? Наверняка знает, она ведь его родная сестра. А вдруг она тоже перемещается во времени? Хотя нет, мама же сказала, что ген передается только по мужской линии...

— Мам, — проговорила я, — ты сказала, что путешественниками во времени могут быть только мужчины?

— Да, потому что женщин-путешественниц никто никогда не видел. Так говорил Жоэль.

— Но ведь это не значит, что их нет вообще.

— И ты этому живое подтверждение.

Глава 4. Я справлюсь

После разговора с мамой я решила подняться в свою комнату на втором этаже. Мама уехала обратно на работу, хотя сначала не хотела оставлять меня одну. Чтобы она не волновалась, я пообещала, что буду сидеть дома, в безопасности. Тетя Жозефина тоже была на работе, поэтому весь особняк оказался в моем распоряжении.

Жозефина владеет парочкой магазинов, ее доход гораздо больше, чем у моей мамы, но мы никогда не просим у нее денег. Вся зарплата тети уходит на содержание дома. Когда-то давно этот трёхэтажный особняк воплощал собой величие и был проникнут духом Людовика XIV. Сейчас же он выглядит довольно жалко. Вот уже несколько лет крыша протекает в одном месте, но мы никак не можем ее отремонтировать. Многие знакомые советуют продать эту историческую рухлядь и купить маленькую квартирку где-нибудь в центре, но как можно расстаться с местом, в которое вложена вся наша жизнь? Сколько поколений предков тут проживало — не счесть. Дом стал частью нас, а мы — его. Как можно прервать эту связь, покинуть эту крепость, которая столетиями нас защищала?

Тетя и отец жили здесь с самого детства. Дом достался им в наследство от родителей, которые погибли в авиакатастрофе в море у берегов Колумбии. Папе на тот момент было двадцать четыре года, а Жозефине едва исполнилось восемнадцать. Отец взял на себя роль главы семьи и заботился о младшей сестре, работая не покладая рук. Спустя три года, он познакомился с моей мамой, с которой вскоре создал семью. Тетя никогда не была против мамы, наоборот, они с ней быстро сдружились и стали настоящими подругами. Меня Жозефина баловала очень часто, порой даже чересчур. Я думаю, это связано с тем, что у нее никогда не было своих детей, хотя она их очень хотела. Она старалась найти хорошего человека, с которым смогла бы связать свою жизнь, но ей просто не везло. Наверное, постоянное невезение — это особенность нашей семьи. У всех оно проявлялось по-разному. Тете не везло в отношениях. Ей все время попадались придурки, которые, если честно, и в подметки ей не годились. Где она только таких находила?

Один из таких придурков жил в нашем доме, и мы с ним хорошо общались. Вся придурковатость подобных проявлялась обычно не сразу. Адольф (почти что Гитлер, даже усы имелись!) поначалу казался вполне приятным мужчиной. Мы с мамой сплетничали, что вскоре он позовёт Жозефину замуж, а когда выяснилось, что тетушка забеременела, то и вовсе были в этом уверены. Но узнав ошеломительную новость о ребёнке, Адольф быстро упаковал вещишки и испарился, а вместе с ним пропала старинная картина авторства неизвестного художника — но весьма ценная! — тетина шкатулка с драгоценностями и пара пачек наливки.

Тетя была разбита и через некоторое время потеряла ребёнка. Стресс и переживания едва ее не доконали. Ей присуще пропускать каждое происшествие через все свое существо — пока оно не пройдет через ее сердце и душу, она его не отпустит и не забудет. Это погубило ее ребенка и чуть не погубило ее саму. После этого случая она решила, что не будет больше заводить никаких отношений. Мне было искренне ее жаль, ведь она просто не заслуживала таких страданий!

Я шла по коридору, стены которого были увешаны картинами и фотографиями с изображениями наших предков. Может, неспроста у нас собрана такая коллекция — чтобы знать тех, кто жил в этом доме в определенные года, это очень пригодится в перемещениях в другие эпохи.

Интересно, кто ещё из моих родственников был путешественником во времени? Дедушка? Наверняка он, раз мама говорит, что ген передается только мужчинам. Как он с этим справлялся? А как с этим буду справляться я? Может, все же найдётся способ контролировать это.

Я распахнула дверь в свою комнату и тут же услышала шум в стоящей на комодке клетке — это проснулся мой кролик Паскаль.

— Прости, что разбудила, дружок, — проговорила я и упала на кровать, накрытую шелковым пледом цвета сливочного мороженого.

Как странно, сейчас только утро, в лицее идет, наверное, только второй урок, а я уже дома и отдыхаю.

Моя комната — единственное место в доме, где нет раритетных вещей. Перед окном стоит кровать с ортопедическим матрасом, вдоль одной из стен тянется шкаф-купе, а у стены напротив находится письменный стол, заваленный всевозможными тетрадами и книгами. Бежевые обои с рисунками малиновых розочек покрывают стены, а шторы из тяжелого льна темно-бордового цвета ниспадают до самого пола. Все вполне скромно, без лишней пышности, зато комфортно и уютно.

Я подремала около получаса, восстановив силы, а после поднялась с кровати и раздвинула шторы. Яркий солнечный свет тут же залил комнату, что заставило меня зажмуриться. Небо было безоблачным, солнце светило не по-осеннему ярко, но совсем не согревало, поэтому на асфальте до сих пор оставались лужи после утреннего дождя.

Я забралась на подоконник, чтобы наблюдать за кипящей на улице жизнью. Мне нравилось иногда так сидеть и глядеть в окно, уносясь в свои мысли, особенно если включить хорошую музыку. Иногда человеку нужно побыть одному и заглянуть в свой внутренний мир, в такие моменты можно по-настоящему услышать себя.

Париж — город, находящийся в постоянном движении. Дороги загружены машинами, тротуары — пешеходами. Каждый куда-то спешит, не обращая внимания на окружающую красоту. Люди не замечают старинных построек с невероятными фасадами, по которым рассыпано множество балкончиков, украшенных еще не завядшими цветами. Они не замечают огненных деревьев, колышущихся от легкого морозного ветра и создающих иллюзию того, что весь город охватывает холодный пожар. Не видят ярко-красного ковра, созданного природой, хотя ступают по нему каждый день. В одном осеннем листе можно разглядеть множество оттенков желтого или красного, которые будто на палитре намешала сама природа. Не многие люди нашего времени могут увидеть красоту в обыденных вещах, будь то обыкновенный лист или здание, которые видишь ежедневно.

Я стараюсь это замечать. Красота окружающего мира для меня всегда была важнее его уродства. Мы не погрязнем в грязи и хаосе, пока внутри нас сохраняется что-нибудь светлое.

На карнизе уселась парочка голубей, которые прижались друг к другу, как бы согреваясь. Иногда я бросаю им крошки хлеба, а потому они основательно тут поселились. Птицы мне не мешали, но зато Паскаль, увидев, как за окном дергается голубиная голова, начинал беспокойно бегать по клетке.

Я сидела какое-то время на подоконнике, стараясь собрать в своей голове мозаику из полученной сегодня невероятной информации, но понимала, что маминого рассказа недостаточно, чтобы получилась полноценная картина. Я ничего не поняла, кроме того, что унаследовала от папы способность путешествовать во времени и что если начну задыхаться, значит, пришло время отправиться в другую эпоху.

Я прокручивала в голове сегодняшнее утро, стараясь понять, в какой год меня занесло, но, увы, совсем в этом не разбиралась. Это мог быть XX век, или даже XIX. Невозможно это определить лишь по одним благоухающим розовым кустам и бегающим по двору девочкам. Наверное, в интернете найдётся что-нибудь полезное о нашем лице.

А что, это же хорошая идея! Почему она не пришла мне в голову раньше?

Соскочив с подоконника, я уселась за письменный стол и включила ноутбук. Когда экран загорелся, я открыла поисковик и ввела в него название нашего лица.

Появилось множество ссылок. Я кликнула на первую и попала на официальный сайт. Столько лет учусь и даже не подозревала, что он у нас есть!

Выбрав раздел «История», я стала читать довольно объемную статью. Когда взгляд пал на дату, с которой здание лицея начало свое существование, я приоткрыла от удивления рот. В шестом веке началось его строительство, и к началу седьмого уже был возведен огромный монастырь, который просуществовал аж десять веков. В конце семнадцатого столетия здание немного перестроили и сделали учебным заведением. Даже и подумать не могла, что наша школа настолько старая. Я-то думала, ей лет пятьсот, что само по себе немало, а оказывается, ей полторы тысячи!

Просмотрев архивные черно-белые фотографии, я поняла, что пытаться определить, в каком году я сегодня очутилась, — это все равно, что искать иголку в стоге сена.

Около пяти часов вечера ко мне зашла Шарлин. К этому моменту я уже успела прийти в себя. Утреннее путешествие казалось таким далеким, будто пролетело несколько дней.

Мама и тётя ещё не вернулись со своих работ, поэтому мы с подругой решили посидеть в столовой за огромным обеденным столом эпохи рококо. Шарли пришла не с пустыми руками — она принесла лимонный тарт⁶с меренгой, который мы собрались съесть на двоих. Я заваривала земляничный чай, и мы уселись за стол.

— Анаис, у меня весь день не выходило из головы то, что произошло во дворе. Как ты сейчас себя чувствуешь? Это больше не повторялось? — заботливо спросила подруга.

Она очень переживала, но меня саму уже не бросало в ужас. Я быстро свыклась с тем, кем оказалась, ведь это свалилось не с неба, а досталось в наследство от папы и наших предков. Они с этим справлялись, а значит, справлюсь и я. Может, это будет даже прикольно: путешествовать во времени и видеть то, что происходило в прошлом. Не жизнь — а приключение!

Шарлин моя самая лучшая подруга, она очень надёжная, и я доверяю ей, как самой себе. Я рассказала ей все, что поведала мне мама. Сначала подруга сомневалась в правдивости этой истории и решила, что я подшутила, но когда я спокойно и адекватно пересказала утреннее происшествие, она тоже убедилась в том, что путешествие во времени — очень даже логичное объяснение случившемуся.

Мы с Шарли просидели несколько часов, обсуждая мою новую проблему, а поздно вечером домой вернулись мама и тетя. Шарлин к тому времени уже успела покинуть особняк, добраться до своего дома и скинуть мне домашнее задание по предметам, которые я сегодня пропустила.

Когда я спустилась вниз, чтобы встретить семью, Жозефина тут же бросилась меня обнимать. Она была сильно взволнована, что я почувствовала буквально на своей шкуре.

— Как ты, та chérie? Надеюсь, день прошел без происшествий? — спрашивала она, сильнее прижимая меня к себе.

— Все хорошо, тетя Жозефина, — прокашляла я в ответ.

— Господи, это так ужасно. Мы были счастливы, что родилась девочка, думали, это жуткое проклятие больше не будет преследовать нашу семью, но оно и не собиралось оставлять нас в покое! Папа был таким, Жозель тоже, а теперь еще и ты. Наверное, стоит перевести тебя на домашнее обучение. Я найду тебе лучших учителей, не хочу, чтобы это проклятие тебя погубило, — протараторила Жозефина, и ее глаза вдруг наполнились слезами.

Видимо, для нее это стало серьезным ударом, но я считала, что она сильно преувеличивает.

⁶ Тарт — французский открытый пирог.

— Нет! — возразила я. — Я не хочу быть затворником, не хочу сидеть целыми днями дома. Я буду ходить в лицей, потому что не собираюсь прятаться от этой проблемы. Во что тогда превратится моя жизнь, в бессмысленное существование?

— Она права, — послышался голос вышедшей из прихожей мамы. — У неё должны быть друзья, нельзя вот так взять и запереть её дома.

— Я просто хочу сделать как лучше, — пробормотала Жозефина.

— Я справлюсь, — заверила я, чтобы подбодрить и маму, и тетю, ведь их состояние было таким подавленным из-за этой истории, точно случилась настоящая катастрофа. — Все будет в порядке, я вам обещаю.

Утром следующего дня я как всегда очень долго собиралась, не зная, что надеть. Минут десять я стояла перед шкафом в поисках чего-нибудь стильного, но в то же время подходящего для учебы, но в итоге все равно оделась как обычно: черные джинсы, белая водолазка и удлиненный клетчатый пиджак, подпоясанный тонким ремнем.

Перед уходом я открыла клетку, насыпала кролику корм и потрепала его за пушистые уши.

— Кушай, пупсик, — проворковала я.

Он довольно зашевелил усами и подошёл к тарелке, обнюхивая, что я ему положила.

Умилившись, я подобрала с пола сумку и закинула её на плечо.

— До встречи, Паскаль! — попрощалась я, послав ему воздушный поцелуй, на что он не обратил никакого внимания.

Я спустилась на первый этаж по широкой лестнице с каменными перилами и заскочила в столовую, сказав тёте и маме, что завтракать не буду, потому что опять не успеваю.

— В твоём возрасте нужно хорошо питаться! — возразила тетя Жозефина, выходя за мной в прихожую.

— Я после первого же урока пойду в столовую и чего-нибудь там съем. До вечера! — ответила я, поцеловав тетю и маму на прощание.

— Будь внимательнее и помни, что я тебе говорила, — шепнула мама, когда мы с ней обнялись.

Я кивнула и подскочила к выходу, крича на пороге:

— Все будет нормально! Пока!

Покинув наш небольшой дворик, я вышла на пешеходную дорогу и побрела в сторону лицея. Сегодня было непривычно легко. Всю ночь я спала как убитая, даже приступы астмы не тревожили. Мне вообще стало гораздо легче дышать. Похоже, ингалятор мне больше не понадобится, но на всякий случай я все равно положила его в карман.

Когда я проходила мимо буланжери, из которой доносился аромат свежеиспечённых булочек и *pâtisseries*⁷, мне показалось, что меня туда заманивают, поэтому я остановилась и заглянула в окна, рассматривая витрины, забитые разной выпечкой.

По обеим сторонам от входа стояли небольшие столики, на которых красовались миниатюрные вазы с алой геранью, а через дорогу находилась цветочная лавка, где в любое время года стоят ящики с цветами всевозможных оттенков, создавая огромное пестрое облако. Сейчас аромат этих маленьких, но прекрасных творений природы смешался с ароматом булочек, и эти запахи совсем не портили друг друга, наоборот, создавали необычное настроение, наполняя серые будни красками.

⁷ Pâtisseries — печенье (фр.)

Я вошла в открытые двери пекарни, где меня поприветствовал продавец. Кивнув ему в ответ, я пробралась между прилавками, чтобы рассмотреть выпечку. Решила взять только парочку круассанов и съесть их по дороге, чтобы мой живот не позорил меня, урча на первом уроке.

Только я потянулась за булочками, как лёгкие резко сдавило. От боли меня едва не согнуло пополам, и я ухватилась за край полки.

Это чувство, несомненно, было уже знакомо. Точно такое же, как вчерашним утром. Я собралась покинуть буланжери, чтобы не исчезнуть на глазах у продавца, но поняла, что просто-напросто не успею добежать до двери. Спрятавшись за одним из стеллажей, я почувствовала, как земля ушла из-под ног. Полки с булочками стали растворяться, а вместо них появлялись очертания круглых столов орехового цвета...

Глава 5. Плохо оценила масштаб ситуации

В нос ударили неприятные запахи сырого дерева и сигаретного дыма, что заставило меня поморщиться. Больше всего ненавижу запах сигарет, потому что от него моя болезнь обычно разыгрывается с особой силой. Сейчас, однако, он меня нисколько не побеспокоил, но все же стало обидно, что от аромата свежее испеченных булочек не осталось ни следа.

Я очутилась в уютном старинном кафе. Интерьер и планировка помещения стали совершенно другими. Хотя в зале и было темно, я смогла разглядеть, что оформлен он в шоколадных, ореховых и бежевых тонах. Это смутно напомнило мне стиль art nouveaux⁸ с примесью чего-то другого. Круглые и овальные столы стояли в окружении множества обтянутых орнаментированной тканью стульев; по деревянному ореховому полу, словно змеи, вились молочного цвета вставки; легкие кремовые занавески парили перед окнами. Все это отличалось от привычной для меня обстановки нашей старой доброй булочной, в которой штор и в помине не было — на их месте уже сто лет как висят жалюзи.

Небо за окном затянули черные тучи. По улицам ходили люди, которые пытались убежать от дождя. У одних в руках были зонты, другие прикрывали головы руками или сумками, спеша найти место, которое спасло бы от ливня. Машин совершенно не было, хотя их тут мало и в наше время, потому что пекарня находилась в глубине квартала. Из-за того, что погода стояла пасмурная, у меня не получилось как следует рассмотреть город и понять, в каком году я оказалась. Было ясно только одно — на дворе либо поздняя весна, либо раннее лето, потому что немногочисленные деревья одеты в насыщенную зеленую листву.

Я подошла к входной двери и подёрнула ручку — она не подалась, а значит, выбраться наружу мне никак не удастся. Конечно, можно выбить стекло, но я не собиралась прибегать к таким варварским методам.

Тяжело выдохнув, я решила дожидаться своего возвращения в современность и села за столик. Кафе казалось безжизненным: ни аромата еды, ни оглушительного шума посуды, галдящих посетителей, бегающих туда-сюда официантов. Если бы не шум дождя и носящиеся за окном прохожие, я бы подумала, что могу ещё и останавливать время.

Так или иначе, мне повезло, что я ни на кого не натолкнулась. Я решила, что посижу минут десять на удобном мягком стуле, вернусь в свое время и, как ни в чем не бывало, куплю свои круассаны с золотистой хрустящей корочкой. М-м-м, поскорей бы...

Как только я откинулась на спинку стула, воображая круассаны, кафе залилось тусклым желтоватым светом электрических ламп, которые висели на стенах и под потолком. Когда я в полумраке рассматривала интерьер, то даже их не заметила, поэтому поразила тому, какими изящными они были — словно вырастающие из стен причудливые бронзовые ветви вьюнов.

— Как вы сюда попали? — раздался возмущённый мужской голос.

Это было так неожиданно, что все мои мысли о вьюнах и круассанах разом испарились. Я соскочила с места, чуть не выронив сумку с учебниками.

Оказывается, все это время тут кто-то был!

Обернувшись, я увидела высокого светловолосого юношу, по виду своего ровесника или чуть старше. Он прижимал к себе большую коробку, набитую разным хламом. Вид у него был довольно обыкновенный, я бы сказала, вполне современный — светло-кремовые штаны, небесно-голубая рубашка и черный полосатый жилет.

Юноша уставился на меня во все глаза, а я в свою очередь уставилась на него. Сердце в груди забило сильнее. Я ведь даже не подумала, как буду вести себя, если вдруг встречу

⁸ Art nouveaux — ар-нуво, модерн (фр.)

кого-нибудь в прошлом. Все моё хладнокровие в миг испарилось, и я начала паниковать. Что мне ему отвечать?

Он вышел из оцепенения и решительно направился в мою сторону, оставив коробку на одном из столиков. Я продолжала стоять, словно замороженная. Сейчас он схватит меня за шкуру и вышвырнет на улицу!

Но он даже ко мне не притронулся. Остановился напротив и обвинительно выпалил:

— Вы что, преследуете меня?!

— Ч-что? — заикаясь, спросила я и попятилась назад.

Такого я точно не ожидала!

— Не притворяйтесь, что не понимаете! Кто вы такая и что вам от меня нужно?

— Вы, скорее всего, меня с кем-то перепутали, — пропищала я сдавленным голосом.

Мы не могли встречаться с ним раньше, я же не из этого времени!

— Пару дней назад вы сбили меня с ног, когда я нёс ящик с цветами! Не припоминаете? Вы явились, будто из ниоткуда, и точно так же исчезли. Объясните, кто вы такая и как сюда попали? — кипел он от негодования.

С каждым его словом я удивлялась все больше и больше. Я не понимала, о чем он толковал. Пару дней назад я сбила его с ног? Но я ведь только вчера начала путешествовать во времени! Я не могла оказаться тут пару дней назад.

Или могла?

Возможно, в моем будущем мне придётся оказаться в его прошлом? Для меня это ещё не случилось, но для него уже произошло? Как же все это сложно!

— Извините, что сбила вас с ног, я не хотела, — наконец ответила я, потому что возникшая пауза была наполнена таким напряжением, что можно было смело заряжать телефон.

— Как вы сюда попали? Моё кафе ещё закрыто и не готово принимать посетителей! — не унимался он.

— Меня зовут Анаис, приятно познакомиться, — невпопад ответила я.

Перевести тему — лучший способ избежать нежелательного разговора. А иначе как бы я ему объяснила, что волшебным образом переместилась из 2015-го года сюда?

Я протянула юноше руку, но он её не пожал. Продолжил смотреть на меня, как на нечто неизвестное науке, и вся эта ситуация стала ужасно неловкой. Я отдернула руку и сделала еще один маленький шагок назад.

— Извините, что ворвалась в ваше кафе, я сейчас же уйду, — пробормотала я, опуская взгляд.

Легкие неприятно сдавило, и я поняла, что сейчас уж точно уйду. Только не на его же глазах!

В голове начал выстраиваться план дальнейших действий, и я поспешила воплотить его в жизнь. Я рванула со всех ног туда, откуда появился юноша, а именно, в небольшую комнатку, похожую на кладовую, где в нашем времени находится туалет для посетителей.

— Анаис, постойте! — выкрикнул юноша, но было уже поздно.

Через мгновение огромный шкаф с многочисленными коробками — единственное, что я успела разглядеть в комнате того времени — начал растворяться перед глазами, а вместо него появился начищенный до блеска унитаз.

Я прижалась спиной к двери, стараясь успокоить бешено бьющееся сердце. Как же тот человек удивится, когда обнаружит, что я исчезла!

Неужели теперь моя жизнь будет такой?! Мне придётся постоянно прятаться, как в нашем времени, так и в прошлом? Почему я отказалась от предложения тети перейти на домашнее обучение? Видимо, вчера я плохо оценила масштаб ситуации, в которой оказалась...

Глава 6. «Луна»

В лицей я пришла с опозданием на полчаса. Слава богу, урок был не у мадам Дюпре, поэтому меня пропустили практически без разговоров. Я наплела, что была в больнице, поэтому учитель не стал меня ругать. Когда я тихонько села за парту, то сразу ушла в свои мысли. Оставшуюся часть урока размышляла о внезапном путешествии во времени, стараясь разложить все по полочкам в своей голове.

Юноша, в чье кафе я попала, узнал меня, хотя я никогда раньше с ним не встречалась. Значит, в будущем мне снова предстоит попасть в его время. Нужно быть готовой и подумать об одежде, ведь вряд ли мои джинсы и кроссовки так уж вписывались в эту эпоху. Только... что это была за эпоха? И как далеко я вообще могу запрыгнуть?

— А вдруг ты окажешься во времена инквизиции и тебя примут за ведьму из-за одежды и разных «волшебных» штучек, вроде телефона, часов и плеера. А еще ты постоянно подводишь глаза, вдруг они подумают, будто в тебя вселился демон, и сожгут на костре? — подливала масла в огонь Шарлин, когда мы обедали в школьной столовой. Я уже успела рассказать ей о происшествии, которое послужило причиной моего опоздания.

— Не знаю, что буду делать. Нужно расспросить маму, что делал и как вел себя папа, когда попадал в другое время, — ответила я, впав в раздумья.

Я отодвинула тарелку с пюре, потому что есть расхотелось. С самого утра ничего не ела, даже круассаны не купила — после странного перемещения во времени было уже не до них. Мои руки то и дело подрагивали от волнения, когда я вспоминала пережитое и задумывалась, что же со мной будет дальше.

Шарлин права. Что я буду делать, если окажусь, например, в пятнадцатом веке? Вдруг меня и правда обвинят в колдовстве? Я не сильна в истории, потому что не учила её из-за мадам Дюпре как бы в знак протеста. Сейчас я удивлялась тому, почему вчера весь день была так спокойна. Наверное, просто не поняла серьезность своего положения. Я ведь думала, что посижу пару минут в прошлом и вернусь как ни в чем не бывало обратно. Даже не задумывалась, что буду контактировать с людьми из прошлого. В голове поселилось множество сомнений. А справлюсь ли я? Может, действительно стать затворником? По словам мамы, папа считал, что в нашем доме я всегда буду в безопасности.

— Тебе нужно узнать, в каких временах ты оказалась, и понять, как далеко можешь улететь, — сказала Шарли, вырвав меня из пучины мыслей.

— Понятия не имею, как это узнать. Там было все вполне для меня привычным. И одежда юноши, и интерьер кафе — это могли быть и шестидесятые, и восьмидесятые года прошлого столетия.

— Ты сказала, что кафе только открывалось? Может, стоит поискать в интернете, мало ли, вдруг что-нибудь и отыщем, — ответила Шарлин и потянулась за сумкой, чтобы достать телефон. — Там названия нигде не висело?

— Названия кафе? Вроде бы, нет.

— Тогда — пекарня «Ваниль» Википедия, — проговорила Шарлин, сев ко мне ближе, чтобы я тоже видела вышедшие ссылки в поисковике.

Как оказалось, страницы в Википедии на нашу буланжери не существовало. Ну конечно, кто будет создавать статью на маленькую скромную булочную?

— Зато существует официальный сайт. — Шарли переходила по разным страницам, старательно ища хоть что-то похожее на историю пекарни.

Но там было лишь меню, где красовались изображения разных булочек, багетов и тортов, которые походили на пластиковые — ну до того переборщили с фотошопом. Отчаявшись, мы закрыли сайт и решили посмотреть картинки. На удивление, обнаружили фотографию шестидесятых годов, где на здании вместо «Ваниль» висела вывеска «Луна».

— Кафе «Луна»! Возможно, это оно и есть! — Я выкрикнула слово «Луна» так, точно это был секретный код для получения миллиона евро.

Я отобрала телефон у Шарлин и перешла на сайт под картинкой. Высветилась статья. Пробежавшись по ней взглядом, я выяснила, что кафе открылось летом 1923-го года. Значит, я переместилась в двадцать третий год? Неужели так давно? Я подозревала, что попала в восьмидесятые, но о двадцатых и подумать не могла!

— Боже, двадцать третий год! — пропищала я, повернув телефон к Шарлин.

— Офигеть... Для двадцать третьего года ты должна выглядеть совсем не так! В это время был переворот в мире моды. Ну, знаешь, Коко Шанель и её знаменитое маленькое чёрное платье. Если бы тебя кто-то увидел, в лучшем случае сочли бы ненормальной. Этот твой парень с коробкой не в счёт, возможно, он и не заметил, а если и заметил, то из вежливости решил промолчать...

— Шарлин! — перебила я. — Я должна вскоре снова оказаться в двадцать третьем году и сбить с ног этого парня с коробкой. Мне нужно ходить круглосуточно в одежде двадцатых, но беда в том, что я даже не знаю, какая одежда тогда была в моде!

Шарли сделала такое лицо, будто я ее обидела:

— Я об этом позабочусь, я ведь разбираюсь в одежде! Моя мама однажды была на вечеринке в стиле «Великого Гэтсби», поэтому могу принести тебе её платье. Занесу его сегодня же! А ещё я постараюсь найти какую-нибудь информацию об этом времени.

— Спасибо большое, Шарлин, ты очень меня выручаешь!

— Это пустяки, — ответила она.

Наш разговор прервал Артур. Его темные волосы были, как всегда, растрёпаны в разные стороны, но выглядело это довольно стильно. Он был в красно-черной клетчатой рубашке и чёрных джинсах. Иногда у меня возникало чувство, что его гардероб состоит только из всевозможных клетчатых рубашек, потому кроме них он, кажется, больше ничего не носил.

Артуру я, естественно, о путешествиях во времени рассказывать не собиралась. Шарлин для меня как сестра, но Артур просто хороший друг. Не могу предположить, как он воспримет мои способности. Больше всего боялась, что он посчитает меня ненормальной и перестанет общаться.

Нам с Шарлин пришлось замолчать, впрочем, у нас и выбора не было, потому что Артур тут же начал говорить.

— Вы ни за что не поверите! — выпалил он, всматриваясь в наши лица. Он часто так делал — говорил что-то интригующее, а потом молчал, ожидая, когда мы спросим, что же такое он хочет рассказать.

— Во что? — сдержанно подыграла Шарлин.

От её паники не осталось и следа, потому что настоящей она может быть только со мной. Если честно, большинство ребят в классе думают, что она холодная, как снежна королева. А все потому, что Шарли никогда не показывает на людях свои истинные эмоции. Не знаю, с чем это связано, но она на самом деле не такая ледяная и довольно ранимая. Возможно, Шарлин открывается только тем, кому безоговорочно доверяет.

Артур воодушевился тем, что мы заинтересованы, и охотно принялся рассказывать:

— Мне задали по истории рассмотреть фрески и картины, находящиеся в лицее, и написать о них доклад. На одной из них я нашёл кое-что интересное. Эта картина скрыта от нас

в башне, но она довольно любопытна. Вот, смотрите. — Он протянул нам телефон с фотографией фрагмента полотна.

— Это же... — прошептала Шарли, увеличивая фотографию.

Я пододвинулась к ней. На картине изобразили двух девушек. Они сидели на стульях, обтянутых бежевым бархатом, и непринужденно болтали, а позади была кучка знатных господ. Девушки обе были в шикарных пышных платьях и белых напудренных париках. Та, что сидела справа, казалась мне невероятно знакомой. Я сразу поняла, почему, но отказывалась признавать.

Потому что это не могла быть я...

Глава 7. Все по-другому

Весь день из моей головы не выходила картина, на которой каким-то невероятным образом оказалась я. Неужели в одном из путешествий в прошлое я захочу, чтобы меня запечатлели на полотне? Но зачем? А может, это и не я вовсе? Вдруг, это какая-то моя дальняя родственница, которая так невозможно похожа на меня?..

Артур все утверждал, что не сталкивался раньше с подобным и что это невероятное сходство. Но мы с Шарлин все отрицали. Говорили, мол, нет, она совсем не похожа, да и волосы у нее вон какие белые, а у меня рыжеватые. Он и не понял, что девушки на картине в париках, поэтому в скором времени отстал.

На одной из перемен я повела Шарли в башню, чтобы мы смогли собственными глазами увидеть ту картину. Мы поднялись по каменной лестнице и оказались в небольшой комнатке с вытянутыми узкими окнами, которые были наглухо закрыты. На стенах сохранилось огромное количество картин и фресок; мы смогли их рассмотреть, включив фонарики на телефонах. Эту башню используют под склад, поэтому пол заставлен коробками с хламом. На стенах висело с десятков разных картин, которые, возможно, не вписались в интерьер лица или были оставлены тут пылиться по каким-то другим причинам. Неизвестны годы создания этих невероятных произведений, но они не выглядели сильно испорченными от времени, хотя, возможно, их просто отреставрировали.

Кое-как отыскав нужное полотно, я стала рассматривать так называемую себя и сидящую рядом девушку. Лица других людей были прорисованы плохо, потому что внимание композиции сосредотачивалось только на дамах. На «мне» красовалось пышное платье персикового цвета, подол и рукава которого были расшиты золотыми узорами. Высокую прическу украшали перья, а юбку платья усыпали многочисленные пёстрые цветы.

Другая девушка была наряжена в желтое платье с большим количеством оборок. Лица не было видно, так как она сидела вполоборота. Мы о чем-то мило беседовали, причём художник очень постарался передать мою заинтересованность этим разговором. Что же в будущем меня ждет? Неужели я буду вот так спокойно сидеть в шикарном платье и позировать художнику? Значит, вскоре я должна буду отправиться во времена, когда в моде были огромные белые парики? Как мне подготовиться к такому путешествию? Хотя бы морально... Представить не могу, что еще случится! От неизвестности по коже пробежали холодные мурашки страха.

— Посвети, чтобы я сфотографировала, — попросила я.

Шарлин помогла сделать множество снимков картины со всех сторон, после чего я немного успокоилась. Теперь у меня есть информация, чтобы подготовиться к этому путешествию. Надо будет ее как следует изучить.

После занятий я отправилась домой, терзаемая волнением. У меня появилась фобия того, что я вот-вот исчезну и окажусь в двадцать третьем году, чтобы сбить с ног мужчину с ящиком цветов. Прохожие будут кидать на меня косые взгляды, и мне придётся желать лишь одного — провалиться сквозь землю.

К счастью, до дома я дошла без происшествий, поэтому, тяжело выдохнув и кинув школьную сумку на пол, решила расслабиться в своей комнате. Через полчаса обещала прийти Шарлин и занести платье своей мамы, а пока у меня появилась возможность немного отдохнуть.

Взяв с ажурного прикроватного столика увесистую книгу, я расположилась на кровати и посадила рядом Паскаля. Он прижался ко мне и сладко заснул, а я постаралась углубиться в чтение, чтобы отключиться от внешнего мира.

Буквы прыгали, а строчки переплетались между собой, словно змеи. Мои мысли покрыло белое полотно, на котором пестрыми цветами возникали дамы в роскошных пышных платьях. Я прикрыла глаза и решила унести себя по течению своего воображения, которое стало рисовать меня в персиковом одеянии, бегущую по зеленому лугу. Огромный парик на голове мне даже не мешал. Вслед неся юноша в черном полосатом жилете. В его руках был ящик цветов, который он тут же подкинул, и стебли разлетелись, словно огромные бабочки. Бутоны приземлились на траву и усыпали зеленый холст всеми цветами радуги. Мы бежали по лугу и счастливо смеялись. Нам было хорошо в этом месте. И как бы нелепо это ни выглядело со стороны — мужчина в одежде из 1920-х и девушка в платье эпохи рококо — нам было все равно. Для счастья и время не будет преградой.

Мою волшебную и легкую дрему прервала неожиданная боль в грудной клетке. Неужели это происходит во второй раз за день? Я соскочила с кровати, откинув книгу и кролика, которые лежали на моих коленях, и почувствовала, как исчезаю. Сон развеяло моментально. На этот раз я заметила, что во время перелёта абсолютно не дышу. Но длится это не более пяти секунд — за это время мир вокруг меня успевает кардинально поменяться.

Вместо привычных обоев с цветочками и кроличьей клетки появились однотонные бежевые стены с золотым отливом. Их украшала лепнина и вьющиеся по верху розетки в виде лилий. На такие стены и картины не нужны — они сами как произведение искусства. В центре комнаты лежал ковер красно-золотого цвета, на котором стоял белый ажурный столик с креслами, обтянутыми белоснежным шелком. Окно было завешено шторами с рисунками попугайчиков и райских птичек.

Я развернулась и увидела в углу, где должен быть шкаф-купе, огромную алую кровать, вышедшую словно из сказки о принцессе. У нее был навес, который поддерживали две золотые колонны, и балдахин с кисточками. И почему у меня такой нет? Наверняка там удобно спать! Как же я завидую той, кто тут живет...

Судя по пышности интерьера, комната оформлена в стиле рококо, а значит, я попала примерно в восемнадцатый век. Девушки на картине ведь были из этой эпохи? Я даже не успела поискать информацию! Собиралась заняться этим вечером. Путешествия во времени надо мной явно издеваются. Но что теперь поделать... Только изучать, как тут все устроено.

Удивительно, но привычный для меня особняк стал совсем чужим. И хоть размеры комнаты были такими же, она казалась в два раза больше. А еще все выглядело чистым и новым. В моем времени полы и потолки источают запах сырой древесины, потому что дом никто не ремонтировал несколько десятков лет, а здесь пахло иначе — я бы сказала, дом вдыхал и выдыхал жизнь, наполняя ею всех своих обитателей. Я не могла этого не ощутить. От этого нового и невероятного чувства стали подкашиваться ноги, а пестрота и красочность окружения так впечатляли, что голова шла кругом.

На подкошенных ногах я двинулась к двери. Возникло ощущение, будто я ступаю по облакам — до того чувствовала себя легкой и невесомой. Этот интерьер словно поглощал меня и делал совсем неприметной.

Я с трудом раскрыла рельефную бело-золотую дверь и оказалась в коридоре. Было темно, но я могла бы идти по нему и с завязанными глазами, потому что выросла в этих стенах. Я не смогла разглядеть интерьер коридора в этом времени, но зато, спустившись с лестницы, увидела зал, который поражал габаритами и пестротой. Тут не было перегородок, как в нашем времени. Это сейчас зал разделен на несколько комнат, но здесь... Я словно оказалась в музее,

куда мы ходили в коллеже⁹, но там все было иначе и по сравнению с представшей картиной казалось искусственным.

С потолка свисали две невероятных размеров хрустальные люстры, которые сразу же бросились мне в глаза. Капельки хрустала, которыми декорировали эти светильники, походили на прозрачные капли дождя, застывшие на века. На люстрах горели свечи и, казалось странным, что две противоположности — лед и пламя — соединились в одном предмете. Никогда вживую не видела подобный способ освещения!

Помещение, стены которого были словно вылеплены из мрамора опытным скульптором, поглотило меня полностью и заставило почувствовать себя маленькой и ничтожной частичкой. Я подняла голову и увидела невероятных размеров фреску во весь потолок. Благодаря этому произведению искусства, созданному в нежно-голубых тонах, я словно глядела в небеса. Зал казался бесконечным, потому что потолок был своеобразным окном в прекрасный мир, недоступный для обычных людей.

Я могла бы ещё долго любоваться, но навстречу вышел мужчина в шелковом золотом камзоле, отделанном белыми кружевами, кюлотах и нежно-голубых чулках. Увидев меня, он на мгновение застыл, а после вдруг резко сорвался с места и помчался в мою сторону. Меня охватила паника. Общение с людьми восемнадцатого века гораздо труднее, чем с людьми двадцатого. Нас разделяет целых три века!

Черные волосы мужчины были аккуратно уложены, а кожа сильно напудрена, что я заметила даже издали. Я не знала, куда себя деть и что делать, от страха сознание меня чуть не покинуло.

Когда человек подошёл ближе, свечи отбросили желтоватый свет на его лицо. Мои ноги тут же подкосились, а тело охватила дрожь, потому что лицо мужчины было невероятно знакомым.

Он до невозможности походил на моего отца.

⁹ Средняя школа во Франции

Глава 8. Важный разговор

Папа (это был точно он — я поняла сразу же) буквально втолкнул меня в одну из открытых дверей. Из-за потрясения я не успела ничего сказать или сделать.

Вглядевшись в его лицо, я заметила, насколько он молод. На вид ему оказалось не больше двадцати лет. В моем воображении он всегда оставался тридцатилетним мужчиной, каким и запечатлён на семейных фотографиях, и это сбивало с толку.

Отец захлопнул дверь и изнутри запер её на ключ. Только сейчас поняла, что мы оказались в библиотеке. Что меня удивило — интерьер здесь мало отличался от того, что был в моем времени. Огромный, но изящный дубовый стол стоял напротив большого окна, а стены до потолка заставлены стеллажами со старинными книгами. Единственные существенные отличия, которые можно найти в современности, — это электрические лампы, компьютер и офисное кожаное кресло вместо белого ажурного стула. Видимо, поколения нашей семьи старались оставить все практически без изменений. Интересно, почему только здесь?

— Вы ведь не из этого века, кто вы такая? — спросил отец, когда расправился с замком. — Вам повезло, что вы встретили меня, потому что если кто-то из прислуги увидит вас в такой одежде, проблем не оберёшься. Из какого вы года?

Его слова ввели меня в ещё большее оцепенение. Ну конечно, он же не знает меня! Наверное, он и с мамой ещё не встретился. Насколько я знаю, они впервые увиделись, когда ему было двадцать семь лет.

— Я... я, — замялась я, не отрывая от него взгляда.

Папа смотрел мне в глаза, ожидая хоть какой-то внятный ответ, но я даже не могла связать буквы в слова, потому что не верила в правдивость происходящего. Неужели это действительно он? Словно призрак или видение, сошедшее с фотографий. Я так надеялась, что смогу его когда-нибудь увидеть, но не подозревала, что это случится в прошлом! Видно, сама судьба дала мне возможность с ним поговорить. Пусть он еще не подозревает, что у него родится дочь, главное — это он!

— Папа?.. — прошептала я, и горло сдавали нахлынувшие слезы.

Я почувствовала, как на щеках остаются мокрые дорожки, и тут же кинулась отцу на шею, не в состоянии сдержать свою радость и печаль, которые настигли меня одновременно.

— Папа, неужели это ты?.. — проговорила я, сквозь слезы.

— Папа?! — удивлённо переспросил он. — Хочешь сказать... Из какого ты года?

— Из две тысячи пятнадцатого. А ты? — пробормотала я, беря себя в руки и вытирая щеки ладонями.

— Из тысяча девятьсот девяностого.

— Значит тебе?.. — я попыталась подсчитать, сколько ему лет, но мысли путались.

— Мне двадцать один год. Так странно... — он провёл рукой по моей щеке, будто убеждался в том, что я настоящая. — Встретить свою дочь, которой столько же лет, сколько и мне.

— Мне восемнадцать, — возразила я, немного смущаясь.

— Да? А выглядишь старше. Как тебя зовут? Хотя, нет, не говори, узнаю в свое время, иначе точно тебя так назову... — он осекся и с сомнением посмотрел на меня. — С другой стороны, должен же я к тебе как-то обращаться, а то будет невежливо. Лучше скажи.

— Анаис, — ответила я, улыбаясь, потому что папа сейчас тараторил прямо как я. Это так называемые мысли вслух, и теперь ясно, от кого они у меня. — Я просто поверить не могу, неужели это, правда, ты...

— А разве в твоём времени я уже... умер? — его лицо мгновенно изменилось, словно на него накатили тучи.

Я не знала, что сказать, потому что у меня не было ответа на этот вопрос.

— Что ж, не удивительно, — вздохнул он, видимо, принимая моё молчание за согласие. — Путешествия во времени довольно опасная вещь. В любом случае, я не хочу знать, когда и как это случится. Анаис, это твоё первое путешествие?

— Нет, третье. Пап, как... Как ты с этим справляешься? Я имею в виду с путешествиями во времени.

— Стараюсь сидеть целыми днями дома. Если попадаю в другое время, оказываюсь в восемнадцатом веке, а здесь у меня есть знакомые, которые мне уже не удивляются.

— Только в восемнадцатом? А почему так?

Как-то странно, почему тогда я каждый раз перемещалась в разные эпохи?

— Каждое путешествие во времени, каждый год, в который ты попадаешь, очень важны, потому что ты оказываешься там неспроста, — серьезно начал он, и я поняла, что сейчас будет важная информация, которую следует хорошо запомнить. — Тебя будто притягивает в определенный год, потому что ты там нужна. Восемнадцатый век — основное время, в котором я появляюсь. Первые мои путешествия были в шестидесятые, но сейчас только сюда. На самом деле у каждого путешественника по-разному. Например, мой отец живет на три времени и перемещается каждый день. Я же не больше раза в неделю.

По моей спине пробежались мурашки.

— А у меня уже второй раз за день...

— Второй раз за день? — папа даже отшатнулся, будто его это известие напугало, а я разволновалась сильнее: похоже, мои путешествия ненормальны! — Послушай, я дам тебе совет. Заведи дневник и записывай туда каждое своё путешествие. Мысли и чувства, кого ты встретила и что видела, а самое главное — год, потому что ты появляешься там неспроста и, скорее всего, обязательно вернёшься.

— У тебя тоже такой есть?

— Да.

— А как долго продолжается пребывание в другой эпохе? — вопросов у меня было много, и я с трудом понимала, за какой ухватиться. Вряд ли успею задать абсолютно все, ведь неизвестно, сколько времени мне здесь отведено.

— У меня от часа до пяти часов, но у всех по-разному.

По-разному — это правда, ведь у меня и вовсе лишь несколько минут. Если я так мало провожу в прошлом, значит, буду путешествовать очень часто? В таком случае свихнуться же можно!

— Как это контролировать? — чуть ли не простонала я. — И почему женщин-путешественниц раньше не было? Наверное, трудности именно в этом. В том, что ген впервые передан девочке.

Папа мотнул головой:

— Во-первых, контролировать нельзя. Как я ни пытался этому противостоять, природа берет своё. Во-вторых, ты не первая путешественница, многие девочки рождались с геном, но их убивали при рождении. Так среди путешественников во времени раньше было принято, но я не знаю, почему. А если семья прятала девочку и об этом узнавали, приходили люди и вырезали всех.

— Всю семью? — ужаснулась я.

— Да, — папа печально кивнул. — Поэтому многие из страха за свою жизнь предпочитали убить ребенка. Не знаю, связано ли это с колдовством, но сама понимаешь... у людей в прошлом было много суеверий.

— Но как они узнавали, что родилась путешественница во времени? — недоумевала я.

Жутко бесчеловечно убивать новорожденного только потому, что она — девочка! И как родители на это решались? Как можно погубить дитя?

Папа вздохнул:

— Никак. Если у путешественников во времени рождалась дочь, ее убивали, потому что ген мог передаваться ей.

— А мог и не передаваться? — история все сильнее потрясала меня своей жестокостью. Чем дальше, тем кошмарнее, но мне нужно знать всю правду, иначе я многого не пойму.

— Верно. То есть они просто убивали ребенка. Но все же есть способ узнать, будет ли ребенок в будущем путешествовать во времени, правда, очень неточный. Это проблемы с дыханием и частый кашель. Легко спутать с простудой. Многие дети хрипло дышат, особенно во временах, где неразвита медицина. Как эти, к примеру, — он обвел рукой комнату. — Богатый дом или бедный — неважно. Дети часто болеют.

Я стояла и хлопала глазами, стараясь переварить услышанное. Папа замолчал и тревожно посмотрел на меня. Видимо, решив, что запугал, он положил руку мне на плечо и мягко добавил:

— Но так было в прошлом. В двадцатом веке уже нет таких жестоких правил. Мою сестру не убили, и никакие люди по нашу душу не пришли. А если бы пришли, отец встретил бы их с пистолетом. Ну, ты должна его знать, он в своих экспедициях от кого только ни убегал — от разбойников, от аборигенов, от диких животных... Какие-то каратели путешественников во времени его бы точно не напугали!

Я неловко улыбнулась. Похоже, папа считал, что я знакома с дедом. Они с бабушкой были исследователями и искателями приключений, объездили весь мир с экспедициями — их не погубили ни джунгли Южной Америки, ни пески засушливых пустынь, ни даже льды Антарктиды. Только неисправность самолета смогла уничтожить этих отважных путешественников, и очень жаль, что мне так никогда и не довелось познакомиться со столь сильными духом родственниками. Я не хотела расстраивать папу, что его родители вскоре погибнут, поэтому решила перевести тему:

— Есть опасность, что замной кто-то придет? Что за каратели путешественников во времени?

— Я без понятия, если честно. К тому же, времена другие, Анаис. То, что я рассказал, было в невежественном прошлом. Сейчас все иначе. Но в путешествиях во времени тебе стоит быть осторожнее.

В легких резко кольнуло, и я поняла, что пора возвращаться домой. Как не вовремя! Хотелось еще столько спросить и просто пообщаться с отцом.

— Пап, — сдавленно сказала я, согнувшись пополам, и он прекрасно понял, что мне вот-вот нужно вернуться обратно.

— Анаис, я уверен, что мы с тобой ещё встретимся. Если окажешься тут, в восемнадцатом веке, скажи «Tempus», люди поймут, это наше...

Слова отца оборвались, растворившись между эпох, которые нас разделили.

Меня откинуло к столу, из-за чего я случайно сбила старинные часы. Я машинально вернула их на законное место, пока в мыслях крутилось лишь слово «Темпус». Это еще что такое? Стоит записать, пока я не забыла. Найдя какой-то блокнот на столе, я выдернула листок и черкнула слово. Судя по всему, это по-латински означает «время».

«Уверен, что мы еще с тобой встретимся»... — эхом раздался голос отца в моей голове.

На меня накатила тоска. Как же я хочу, чтобы папа был сейчас рядом! Трудно поверить, что я только что видела его и разговаривала с ним. Случайна ли была наша встреча? Думаю, нет. Отец сказал, что я появляюсь в той или иной эпохе неспроста. Значит, я попала в восемнадцатый век для того, чтобы встретиться с ним. Все-таки, время странная вещь — оно может у нас что-то отнять, но также и подарить.

— Черт возьми, я тебя везде ищу! — раздался голос позади, что заставило меня подпрыгнуть от неожиданности.

Я развернулась и увидела Шарлин, в руках которой был прозрачный кофр с черным блестящим платьем. Совсем забыла, что она должна зайти!

— Шарлин, ты меня напугала, — выдохнула я и, свернув листок, убрала его в карман штанов.

— Я минут десять стояла у двери и звонила, а потом достала ключ из клумбы, надеюсь, ты не против, — пояснила она. Тетя прятала запасной ключ в статуэтке голубя, который стоял в цветнике, о чем из чужих знала только Шарлин. — Ты была в прошлом, да?

— Да. Я встретила со своим отцом.

— Что? Но как такое возможно? Неужели он застрял в... прошлом? — осеклась она.

— Нет, просто наши пути пересеклись.

Я рассказала обо всем, что видела и слышала от папы. Почти дословно передала ей наш с ним разговор и описала во всех красках обстановку, что была в моем доме в восемнадцатом веке.

— Тогда скорее бери тетрадь и записывай, пока не забыла! — воскликнула Шарлин, услышав о совете отца завести дневник путешествий.

Мы тут же помчались в мою комнату, где Шарлин вручила мне кофр. Я спрятала его в шкаф и от души поблагодарила подругу за помощь с одеждой. После отыскала толстую тетрадь и начала записывать все с первого путешествия. Шарлин помогла вспомнить детали, которые пару минут назад слышала от меня, если я вдруг их упускала. Так мы вдвоём исписали почти десять страниц, конспектируя три путешествия как можно подробнее. Я поняла, что не знаю год, в котором оказалась в первое перемещение и, как ни странно, в третье, так как из-за эмоций, вызванных встречей с отцом, даже не подумала об этом спросить.

— Черт, как выяснить дату? Папа сказал, что это очень важно, потому что я туда обязательно вернусь, — проговорила я, ставя огромные вопросительные знаки напротив заголовков «Первое путешествие» и «Третье путешествие».

— Почему отец тебе этого не сказал?

— Наверное, забыл. Не каждый день встретишь дочь, которой еще не существует.

— Подожди-ка... Он посоветовал тебе вести записи и сказал, что тоже так делал. Значит, его дневник находится в этом доме, и в нем наверняка записан год, в котором вы встретились! — Шарлин явно обрадовалась своей догадке.

И почему я сама до этого не додумалась?

— Вот только я понятия не имею, где он может быть, — вздохнула я.

— Может, твоя мама в курсе?

— Надо будет у неё спросить, когда она вернётся.

— А что делать с первым путешествием? Как узнать год, в котором ты была? — задумалась Шарли. — О! Нарисуй-ка платья девочек, вдруг нам это поможет, а я пока перечитаю, что мы записали.

Шарлин отобрала у меня тетрадь и с головой ушла в записи, а я достала листок, стараясь воскресить в памяти одежду девочек. У одной платье было чёрное в мелкий белый горошек и с длинными рукавами, если меня не подводит память. Я нарисовала платье-рубашку, верхняя часть которого была на кнопках, а нижняя в складку. У второй платье тоже было чёрное, но однотонное, похожее на длинную майку, расклешенную к низу, а сверху — две или три больших белых пуговицы. Вроде бы, так.

Закончив, я протянула рисунок Шарлин. Она застыла с ним в руке и нахмурилась.

— Знаешь, что-то знакомое. Я заберу это домой, кое-что посмотрю, ладно?

— Хорошо, — согласилась я.

Надо сказать, Шарли разбирается в моде, причем основательно. Она изучает ее историю и наверняка сможет по одежде определить года.

Когда Шарлин ушла, я ещё какое-то время перечитывала то, что мы написали. Я решила внести в дневник ещё одну находку — картину с моим участием. Перекинув на компьютер фотографии с телефона, я распечатала их в цветном варианте и вклеила в тетрадь. Ещё раз рассмотрев изображения, я бросила взгляд на кучку знатных людей, стоящих позади девушек. Один мужчина привлёк моё внимание, и я поняла, что это же мой отец! Лицо нечеткое, но общие черты прослеживаются. Почему я сразу его не узнала? Наверное, потому что я практически не видела его в реальной жизни. Трехлетний возраст — что можно помнить? Ни один человек, наверное, не скажет, что происходило с ним, когда он был таким маленьким. Память жестока к нашим детским воспоминаниям. Да и люди на картине не особо меня интересовали, когда там изобразили *меня*.

Я отложила тетрадь и достала из шкафа кофр Шарлин, чтобы рассмотреть одежду как следует. Она принесла маленькое чёрное платье без рукавов с большим количеством рюшек по низу. Как будто из фильма о Гэтсби. Надеюсь, я не буду в нем бельмом на глазу, ведь оно выглядит довольно нарядно. Сомневаюсь, что это повседневная одежда, скорее, для праздника или вечеринки.

Я аккуратно убрала платье и поспешила вниз, потому что услышала, как входная дверь отворилась. Это с работы вернулась мама. Я не стала сразу же закидывать её вопросами и рассказывать о встрече с папой, потому что мама выглядела уставшей. Решила дождаться вечера, когда мы поужинаем и отдохнем.

Допоздна я делала уроки и искала информацию про восемнадцатый век и двадцатые. Картина с моим изображением не выходила у меня из головы, поэтому я снова ее рассмотрела. Папа на ней казался гораздо старше, чем на наших семейных фотографиях, да и сама я вышла на двадцать с копейками лет. Либо художник немного приврал (но кто станет нарочно прибавлять возраст?), либо это я из будущего. Как поняла, мне придется всю жизнь нести тяжелое бремя путешественника во времени, так что ничего нельзя исключить.

Когда мне наскучило шерстить информацию и разглядывать картину, я решила все же поговорить с мамой. Она уже приняла душ и теперь лежала на кровати с любовным романом в руке.

— Все в порядке, *ma chère*? — спросила она, стоило мне, точно призрак, возникнуть на пороге.

Я села рядом, собираясь с мыслями.

— Мам, сегодня кое-что произошло... Я целых два раза посетила прошлое и... — Я глубоко вдохнула, и из меня полилось все, что я сегодня пережила. Когда речь зашла об отце, глаза мамы засветились, и она начала улыбаться. Как же она, наверное, по нему скучает! И неужели мне выпала возможность встретить того папу, которого знала она, увидеть его словно ее глазами...

Когда я закончила рассказывать, почувствовала легкость, будто сняла с плеч тяжеленный камень. Хотя, так это и было.

— Папа говорил, что вел дневник. Ты не знаешь, где сейчас могут находиться эти записи?

— Я вообще не знала, что он делал какие-то записи... — тяжело проговорила она. На ее лице отражалась радость от того, что я встретила отца, но в то же время печаль, потому что сейчас его с нами не было. — Я все больше убеждаюсь, что он был ужасно скрытным. Он никогда мне не говорил, что встречал тебя в прошлом. Если бы сказал, мы бы давно морально подготовили тебя к первому путешествию.

— Он просто не хотел менять ход событий, ведь если бы сказал, многое было бы по-другому.

— Возможно, ты права, — вздохнула она.

Я поняла, что зря ее расстроила, ведь так и не узнала о дневнике. Стоило поискать его в доме самостоятельно.

Глава 9. Стала своей

Утром я плохо себя чувствовала: глаза жгло, голова ощущалась ватной, а когда я попила воды, меня даже затошнило. Виной тому был недосып — из-за переживаний, вызванных встречей с папой, я не могла сомкнуть глаз, и уснула только в шесть утра, а поскольку будильник прозвенел в семь, я несколько не отдохнула. Когда рассказала об этом маме, она наказала оставаться дома и позвонила в лицей, сообщив о моей болезни. Я очень обрадовалась, ведь мне предоставилась возможность все утро не вылазить из любимой кровати — жестокая странность: ночью она кажется тверже камня, а утром утягивает подобно мягкому облаку.

Планы на предстоящий день были просты: спать и переваривать произошедшее. Ни за что и ни под каким предлогом я не собиралась выходить на улицу, чтобы вновь не попасть в случайном месте в прошлое. Если это случится в доме, то еще куда ни шло.

Спала я до самого обеда. После того, как поела, решила провести операцию по поиску папиного дневника, воспользовавшись тем, что осталась в доме абсолютно одна — нечего снова беречь душевные раны мамы и тети. Начала обследование с библиотеки, потому что это, на мой взгляд, было довольно логично.

Надо заметить, что к тому моменту было уже два часа дня, а я так и не переместилась в прошлое. В предыдущие разы я испарялась утром, а вчера во второй раз — днем. Значит, у путешествий нет определенного графика, и это ощутимо усложняет мою жизнь! Что ж, буду надеяться, что так лишь поначалу, а после это как-то стабилизируется...

Внезапно мне пришло сообщение от Шарлин. Она сказала, что еще немного — и выяснит нечто любопытное, поэтому после лицея зайдет в гости. Отельным сообщением она прислала штук семь восклицательных знаков, что означало предельную важность ее открытия. Надеюсь, у нее получилось выяснить года моих первых путешествий с помощью рисунков платьев. Нет, чтобы сказать сразу, она решила нагнать интригу! У Артура, что ли, научилась?..

Я просматривала книжные полки в библиотеке на протяжении двух часов. К сожалению, ничего похожего на дневник мне на глаза не попало. Следом я обшарила и дубовый стол, пришлось вывалить все содержимое ящиков и заново разложить, чтобы уж наверняка ничего не упустить из виду. Среди кип тетиных документов для магазинов и старых записных книжек с номерами телефонов я также не нашла ничего полезного. Даже осмотрела сами ящики, вдруг там есть двойное дно, а потом беспорядочно их выдвигала, надеясь, что сработает секретный механизм, как было в фильме «Сокровища Нации: Книга тайн»¹⁰, но, увы, у нас оказался самый обыкновенный стол.

Я пододвинула кресло и рухнула на него, откинувшись на спинку, чтобы немного отдохнуть — так вымоталась, что по лбу стекали капли пота. Папа наверняка хорошо запрятал свою тетрадь, раз про нее даже мама не знала.

В конце концов я осталась ни с чем. За поисками день пролетел незаметно, и вскоре в дверь позвонила Шарлин.

— Доставай свою тетрадь и записывай — шестидесятые! — выпалила она прямо с порога, взгляд ее при этом горел восторгом.

— Но как ты это узнала? — поразилась я.

— Пойдем в комнату, и я все тебе расскажу. — Шарлин втолкнула меня в дом и хозяйски закрыла дверь, потому что от потрясения я застыла на пороге как статуя.

Шестидесятые. Почему именно это время?

Даже не так.

¹⁰ «Сокровища Нации: Книга тайн» (2007) - фильм режиссёра Джона Тёрелтауба

Почему каждый раз разное время?!

Хотя... папа же говорил, что в первые путешествия тоже перемещался туда. Может, это опять связано с ним?

В комнате я сразу вытащила тетрадь и записала года напротив заголовка «Первое путешествие».

— Как ты узнала, что это именно шестидесятые? — спросила я.

— Я просмотрела моду от пятидесятых до нулевых годов и поняла, что в шестидесятые такие платья были очень популярны. Я похожие, кстати, видела на фотосессиях Твигги¹¹.

— А почему сразу мне не написала? Так заинтриговала своим сообщением...

— Потому что мне нужно было зайти в книжный и полистать альбом с фотографиями Твигги. Я как раз его в каникулы рассматривала, там удобно собраны самые лучшие снимки в хронологической последовательности, а в интернете все было беспорядочно. Считаю, что я убедилась в своей догадке, и вот — побежала к тебе!

— Спасибо огромное, Шарлин, не знаю, что бы я без тебя делала! — сама бы я в этом вряд ли разобралась.

— Ой, да ладно, — она отмахнулась, словно ее модное расследование было ерундой, и продолжила рассуждения: — Итак, что мы имеем? Три эпохи, и в каждой ты должна сыграть важную роль, так ведь говорил твой отец? Возможно, это еще не все, и в будущем ты попадешь куда-то еще, но пока будем отгаливкаться от того, что есть. В первую очередь нужно понять цель. Мне кажется, в восемнадцатый век ты попала как раз из-за встречи с отцом.

— Я тоже так думаю, — кивнула я. — Когда в следующий раз встречу папу, обязательно спрошу год.

— Только не забудь, — подметила Шарлин. — Запиши на руке.

Я послушалась ее совета и сделала пометку на запястье. Теперь точно не забуду.

— Возможно, в шестидесятых я тоже должна встретить отца, — добавила я. — Но двадцатые... пока кажется, что я нужна там только для того, чтобы сбить парня с ящиком.

— Кто знает, может, без этого в истории не случилось бы чего-то замечательного? — предположила Шарлин. — Знаешь, есть легенда, что Ньютону на голову яблоко упало, и так он открыл всемирный закон тяготения.

— Что ж, возможно, — согласилась я. — И все же, когда я там снова окажусь, узнаю имя этого парня.

Шарлин щелкнула пальцами:

— И тогда мы поищем о нем что-нибудь в интернете, после чего наверняка раскроем очередную загадку!

— Из нас отличная команда! — Я вытянула руку, чтобы Шарлин дала мне «пять».

Помощь Шарлин была неоценима и придавала сил — с ней это и правда походило на увлекательное расследование и не казалось таким пугающим. Как же хорошо, что судьба подарила мне такую подругу, а ведь познакомились мы совершенно случайно!

В первый день учебы в коллеже на вводном уроке каждый выбирал, куда сесть. Я нерешительно прошла в класс и замешкалась. Свободных мест еще оставалось много, но незнакомые ребята меня пугали, особенно мальчишки, потому что они постоянно меня задирали. И хоть этих парней я пока еще не знала, не могла быть уверена, что они поступят иначе (с Артуром мы подружались намного позже). Тут взгляд пал на сидящую за последней партой рыжеволосую девочку с невероятной красоты «дракончиками», покрытыми блестящим лаком и невидимками со стразами. Солнце заливало класс белым светом, и она сидела как раз рядом с окном, из-за чего ее будто окутывал божественный ореол. Я решила, что от такой сияющей

¹¹ Лесли Лоусон, известная под псевдонимом Твигги. Британская супермодель, актриса и певица, обрела известность в 1960-х.

девочки ждать какую-то гадость точно не стоит, поэтому поспешила сесть рядом. Мы познакомились, а потом как-то незаметно сдружились на почве общих интересов: нам нравились одинаковые фильмы и сериалы, сплетни про одноклассников, сладости, особенно мороженое со вкусом зеленого чая, которое подавали в ближайшем кафе. Даже не помню, в какой момент мы стали ходить друг к другу в гости и за просмотром «Ханны Монтаны»¹² готовить различные десерты. С тех пор минуло пять лет, и наша дружба с Шарлин стала лишь крепче, для меня она уже не просто подруга, а почти родная сестра.

— Куда ты отправлялась сегодня? — поинтересовалась Шарлин, вырвав меня из ностальгических воспоминаний.

— Никуда! Даже не знаю, отправлюсь ли куда-то вообще... — После этих слов в груди, как по заказу, резко кольнуло, и я даже вздрогнула. — Ай!

— Что? — удивилась Шарлин.

— Кажется, отправлюсь...

Не успела я ничего объяснить, как начала испаряться. Кажется, при перемещении меня окутывал золотой туман, но я даже не придала этому значение. Больше всего тревожило то, что путешествия во времени абсолютно нельзя предугадать. А вдруг я в это время буду в ванной или туалете? Хоть приступ и продолжается почти полминуты, я точно не успею накинуть хотя бы халат. Не хотелось бы появиться в прошлом без одежды!

Неожиданно я упала назад, и удар смягчил ворсистый ковер. Оказалось, подо мной исчез стул. Уже второй раз появляюсь в прошлом, вытирая собой пол. Надо в следующий раз хоть подняться на ноги, а то так и покалечиться можно...

Оглядевшись по сторонам, я поняла, что очутилась в уже знакомой мне комнате с огромной красной кроватью. От одного только взгляда на невероятно пышное убранство у меня перехватило дыхание.

Я снова здесь, в этом раю. Словно попала в прекрасный мир, где царит незабываемая атмосфера, а дом живет полной жизнью и дышит, как огромный организм. Как же печально, что в наше время он медленно умирает...

Я поднялась и отряхнулась, хотя пыль никакую не собрала, потому что ковер был чистым, будто его недавно купили. А может, так и есть, потому что в прошлый раз тут был другой. Или я просто оказалась чуть раньше или позже. Кто сказал, что я всегда буду попадать в один и тот же год? Мысль заставила меня как следует оглядеться, но других существенных изменений в комнате я не обнаружила. Правда, кое-что меня насторожило — собственные ощущения. Если вчера я чувствовала себя маленькой ничтожной пылинкой и терялась в пышности интерьера, то сейчас мне показалось, что я часть этого дома, будто он признал меня и наполнил жизнью. Странно, но одновременно приятно. Я словно стала своей. С чем это связано?

Получить объяснение удалось раньше, чем я ожидала.

Двери неожиданно распахнулись, и нежная тишина разрушилась звонким девичьим смехом. Это заставило меня подпрыгнуть на месте. От испуга я чуть не вскрикнула, но подавила подступающий к горлу звук.

Когда увидела человека, вошедшего (точнее ворвавшегося) в комнату, я заледенела на месте.

Невозможно!

Потому что это была я.

¹² «Хана Монтана» (2006-2011) – американский сериал Дисней.

Глава 10. Элизабет

Девушка (или я?) застыла на пороге, смотря на меня с изумлением. Я была удивлена не меньше, но обратила внимание на ее шикарное платье — такое пышное, что оно занимало весь дверной проем. Блестящая белоснежная ткань будто излучала свет, юбка и корсет были декорированы кружевными рюшками и цветами (как мне даже показалось — настоящими!), что делало образ девушки ещё милее и свежее. На голове у нее была невысокая, но элегантная прическа, для которой требовались длинные волосы, а свои я всегда стригла выше плеч. Либо это я в будущем, либо... вовсе не я. Путаница возникла еще из-за того, что лицо у нее было в точности как у меня! С другой стороны, может, она мой предок?..

Не знаю, сколько мы вот т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.